

ВОЗРОЖДЕННАЯ ИМПЕРИЯ

МЫ ОСЕДЛАЕМ БУРЮ

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ

WE CRY FOR BLOOD

WE DREAM OF GODS

DEVIN MADSON

WE
LIE
WITH
DEATH

ДЕВИН МЭДСОН

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ

fanzon

МОСКВА
2023

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
М97

Devin Madson
WE LIE WITH DEATH

Copyright © 2021 by Devin Madson

Иллюстрация на обложке *Виктории Ивановой*

Дизайн *Елены Куликовой*

Мэдсон, Девин.

М97 Мы обнимем смерть / Девин Мэдсон ; [перевод с английского Н. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-172054-4

Старая империя пала. Пришло время новой империи. На завоеванном севере бывшая императрица полна решимости спасти свое государство. Ее поиски союзников становятся все более отчаянными. Увы, осознание того, что сила заключается не в титулах и званиях, а в самих людях, может прийти слишком поздно...

Продолжение эпопеи в жанре темного фэнтези о разрушении империи, мистическом Востоке и безжалостных ордах кочевников.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172054-4

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

Левантийцы

Род Торин

Рах э'Торин — изгнанный капитан Вторых Клинков Торинов.

Эска э'Торин — заместитель Раха (умер, душа освобождена).

Кишава э'Торин — охотница (умерла).

Орун э'Торин — конюх (умер, душа освобождена).

Йитти э'Торин — целитель.

Дзиньзо — конь Раха.

Лок, Хими и Истет — Клинки Торинов.

Гидеон э'Торин — капитан Первых Клинков Торинов, ныне император Левантийской Кисии.

Сетт э'Торин — брат и заместитель Гидеона.

Теп э'Торин — целитель Первых Клинков.

Тор, Матсимелар и Ошар э'Торины — седельные мальчишки, которых Гидеон назначил переводчиками.

Нуру э'Торин — переводчик-самоучка, которая никогда не служила чилтейцам.

Род Яровен

Дишава э'Яровен — капитан Третьих Клинков Яровенов.

Кака э'Яровен — заместитель Дишавы, немой. Чилтейцы отрезали ему язык.

Атум э'Яровен — капитан Первых Клинков Яровенов.

Локлан э'Яровен — конюх Дишивы.

Шения э'Яровен — единственная из Яровенов, заклеяменная в изгнании.

Птафа, Массاما, Дендек, Ануке, Эси, Моше э'Яровены — Клинки Дишивы.

Другие левантийцы

Ясс эн'Окча — Клинок рода Окча.

Лашак э'Намалака — капитан Первых Клинков Намалака и подруга Дишивы.

Йисс эн'Охт — капитан Первых Клинков Охта, пылко предана Гидеону.

Тага эн'Окча — капитан Первых Клинков Окча и предводительница Ясса.

Менесор э'Кара — капитан Вторых Клинков Кара.

Джейша э'Кара — заместитель Менесора.

Сенет эн'Окча, Якан э'Кара, Яфеу эн'Инжит, Балн эн'Охт, Тафа эн'Охт и Кехта эн'Охт — охрана императора.

Нассус — левантийский бог смерти.

Мона — левантийская богиня правосудия.

Кисианцы

Мико Ц'ай — дочь императрицы Ханы Ц'ай и Катаси Отако. Император Кин Ц'ай — последний император Кисии (умер).

Императрица Хана Ц'ай — свергнутая императрица Кисии.

Принц Танака Ц'ай — брат-близнец Мико (умер).

Чичи — собака Мико.

Дзай Ц'ай — незаконнорожденный сын императора Кина.

Лорд Таси Оямада — дедушка Дзая по матери и регент.

Генерал Китадо — командующий императорской гвардией Мико.

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ

Министр Рё Мансин — министр левой руки, главнокомандующий императорской армией.

Лорд Хирото Бахайн — правитель Сяна.

Эдо Бахайн — старший сын герцога Бахайна.

Капитан Нагаи — человек герцога.

Лорд Ниши (Соленый лорд) — богатый किसानец, приверженец Единственного истинного Бога.

Чилтейцы

Кассандра Мариус — чилтейская шлюха и наемная убийца.

Иеромонах Креос Виллиус — глава церкви Единственного истинного Бога.

Лео Виллиус — единственный ребенок его святейшества иеромонаха.

Капитан Энеас — глава охраны иеромонаха.

Свифф — подчиненный капитана Энеаса.

Другие

Торваш — Знахарь.

Госпожа Саки — безмолвная спутница Торваша.

Кочо — писец и слуга Торваша.

Лечати — молодой человек на службе у Торваша.

В ПРЕДЫДУЩЕМ РОМАНЕ...

Отношения между имперской Кисией и соседним государством, Чилтеем, становились все напряженнее. Набеги и грабежи вдоль границ приближали очередную войну, надежда на примирение была связана с подписанием нового договора, скрепленного браком Лео Виллиуса, сына иеромонаха Чилтея, и принцессы Мико Ц'ай. Бросив вызов старому императору, брат Мико напал на Лео Виллиуса, когда тот пересек границу, однако убить не сумел и был казнен за измену.

Получив желанный повод для масштабного вторжения, армия Чилтея, усиленная левантийскими воинами из-за моря Глаза, прорвала границу. Изгнанные с родины, Рах и его люди были вынуждены пойти на службу к чилтейцам, хотя воевать за других не в их обычае.

С помощью Кассандры, наемной убийцы, наделенной способностью оживлять недавно умерших, чилтейцам удалось захватить неприступную крепость Кой. Кассандра должна была убить Лео Виллиуса по заданию его отца, что она и сделала, но мертвый Лео возвращается и отбирает у нее свою голову. За эту неудачу Кассандру продают Знахарю, единственному человеку, способному изгнать чужой голос, звучащий в ее голове.

После неудачной попытки отобрать звание вождя левантийцев у своего близкого друга Гидеона э'Торина Рах становится телохранителем Лео и чилтейцы продолжают войну, продвигаясь на юг, к кисианской столице. Намереваясь защитить ее, Мико принимает сторону императора

против собственной матери, однако он умирает, оставляя ее в одиночестве перед лицом угрозы. Мико коронует себя как императрицу и встает против чилтейцев. Ее армия не в силах сдержать атаку, и чилтейцы захватывают столицу, но их убивают обратившиеся против хозяев левантийцы по приказу Гидеона. Мико удается бежать, спасаясь от смерти, а Раха, не согласившегося с тем, куда Гидеон ведет его племя, берут под арест.

*Посвящаю мисс И.,
от которой я узнала так много —
о самой себе, а также о том,
что самое главное и важное
в жизни редко дается с легкостью.*

ГЛАВА 1

Рах

В темноте время стоит на месте. Нет ни дней, ни ночей, в темноте ты просто перестаешь существовать, пока душу подгачивает одиночество, но ничто не сможет вытравить правду из моего сердца. Я — левантиец. Торин. А воинам степей полагается умирать не так.

— Гидеон! — крикнул я, прижавшись лицом к прутьям решетки. Голос унесся во тьму. — Гидеон!

Цепляясь за решетку, втягивая растрескавшимися губами воздух, я завел нашу песнь. Мы пели ее, оплакивая потери. Мы пели ее, когда больно. Пели под звездами и палящим летним солнцем. Пели в силе и слабости, но чаще всего — в одиночестве. Ее словам нас — горстку детей, освободившихся от работы в конце долгого дня, проведенного в дороге, — научил Гидеон. Мы сидели у его ног, сражались за право сесть как можно ближе, будто его старые потные сапоги были священны.

«Но что все это значит?» — спросила девочка, чье имя и лицо скрыла пелена времени, оставив лишь благодарность за то, что она задала вопрос, и мне не пришлось выглядеть глупо.

«Это молитва, — улыбнулся глупышке Гидеон. — Возвышая свой голос к богам, ты никогда не будешь одна, потому что они увидят тебя. Услышат. Признают».

Он взъерошил девочке волосы и оставил нас, а мы таранились ему вслед. Пусть он был самым младшим Клинком Торинов, просто мальчишка по сравнению с другими воинами, но для нас, для меня он был богом.

Когда я допел, эхо песни медленно растаяло в тишине.

Гидеон не пришел.

* * *

Меня разбудила боль в животе. Может, прошли минуты, а может, часы. Я знал только голод, жажду и темноту. Поднявшись на трясущихся ногах, я не мог не думать о нашем пути на юг, о том, как нас били, морили голодом и покрывали позором чилтейцы — те самые чилтейцы, что позже погибли от левантийских клинков. Освободил ли Гидеон их души? Или сжег, как зверей, вместе с головами?

— Гидеон! — Голос хрипел, жажда лезвием резала горло. — Гидеон!

Ответа не последовало, и я зашагал по тесной камере, трогая каждый прут решетки. Всего семнадцать, все идеально гладкие, но те шесть, что служат дверью, слегка толще остальных. Ни света. Ни ветерка. Только тьма, и подобно голоду, вгрызавшемуся в мои внутренности, мысли стал разъедать страх. Меня забыли?

— Гидеон! Йитти!

Только эхо в ответ.

* * *

Я не слышал шагов, но, открыв в следующий раз глаза, обнаружил, что больше не один. Сквозь решетку лился яркий свет, и я вздрогнул и попятился, пока лопатки не коснулись стены.

— Прости. Я не подумал.

Раздался металлический скрежет, и свет из полуденного стал сумеречным.

— Выглядишь жутко.

Я рассмеялся. Или попытался, поскольку получился лишь хрип, а желудок скрутило узлом.

— Надо было предупредить, я бы помылся, — прокрипел я.

— Ну, хотя бы твое чувство юмора не пострадало. — Глаза привыкли к свету, и я разглядел вечно хмурюю физиономию Сетта. — Не уверен насчет...

— Я хочу видеть Гидеона.

Ответом стало лишь потрескивание горячего металла лампы, усиленное тишиной. Я молчал, пока Сетт не откашлялся.

— Не получится.

— Он не может отказать повидаться со мной. Я — Клинок левантийцев. Торинов. Я...

— Его здесь нет, Рах.

Я уставился на грубые черты Сетта, будто в них скрылся ответ.

— Что значит «нет»? Он отправился домой?

Резкий смех Сетта эхом разнесся по коридору.

— Нет, он не отправился домой. Он теперь император, а здесь небезопасно. Чилтейцы разрушили оборонительные сооружения города, а к чему восстанавливать их, если твоя империя к северу от реки, а не к югу? Теперь здесь вражеская территория.

— Вражеская?

— Не надо больше вопросов, Рах. Это ты отправляешься домой.

В замке заскрежетал ключ, и Сетт с усилием распахнул дверь.

Домой. Я не желал ничего другого с первого дня, но все же не сделал ни шагу к свободе.

Сетт скрестил руки на груди, не выпуская из них фонарь.

— Серьезно? После всего, что случилось, ты продолжаешь упрямяться?

— Мы не убиваем. Не крадем. Не завоевываем. — Я повысил голос. — И единственный способ сместить командира Клинков — это вызов или смерть. Я — капитан Вторых Клинков Торинов, пока кто-то из них не бросит мне вызов.

Сетт зарычал, сжав ручку фонаря.

— Просто поезжай домой, Рах. Поезжай домой.

Он повернулся и пошел обратно, оставив дверь камеры широко открытой. Я последовал за удаляющимся светом. Ноги тряслись.

— Где мои Клинки?

— С Гидеоном, — не останавливаясь и не сбавляя шаг ответил Сетт.

Я старался не отставать, поскользываясь на влажном каменном полу.

— А Дишива?

— Тоже.

— А Лео?

Сетт остановился и повернулся так резко, что фонарь едва не впечатался мне в лицо.

— Читтейский бог-мальчишка? Мертв. Ты видел, как он умер. С тех пор его состояние не улучшилось. — Сетт вздохнул. — Не делай глупостей, Рах. Я знаю, тебе тяжело, но это твой шанс убраться отсюда, отправиться домой. Если снова начнешь доставлять проблемы, у Гидеона не будет выбора, кроме...

— Кроме чего? — спросил я, когда он зашагал снова. Его раскачивающийся фонарь пьяной звездой указывал путь. — Кроме как убить меня? — Я поспешил вслед за Сеттом. — Таков новый левантийский обычай? Убивать тех, кто оспаривает твои решения, а не драться с ними в честном поединке?

Не ответив, Сетт начал подниматься по лестнице, разочарованно топая по камням. Я остановился у подножия, пытаюсь отдышаться, и едва не выскочил из собственной шкуры, когда фонарь Сетта осветил ближайшую к лестнице камеру. У самой решетки стоял человек и не мигая смотрел на меня, будто стараясь запомнить мое лицо. Я поборол желание отступить назад, отвести взгляд, радуясь, что нас разделяет решетка. Грязное лицо человека обрамляли торчащие в разные стороны волосы, но сквозь пелену запущенности проглядывало что-то знакомое.

Сетт остановился.

— Кто это? — спросил я, не отводя взгляда от пленника.

— Министр Мансин, — донесся с лестницы ответ Сетта. — Человек, который сидел на троне в боевых доспехах императрицы.

Министр Мансин, занявший место императрицы, чтобы обмануть ее врагов, пристально вглядывался в меня из-за решетки. Мне хотелось сказать ему, что я никогда не желал падения Кисии, что я ему не враг, но я сражался вместе со своим народом против его народа, и этого не изменить никакими словами. Да он их и не поймет.

— Пошли, — буркнул Сетт, и звук его шагов возобновился. Свет ушел с лица министра. Я оторвал от него взгляд и пошел по лестнице.

Сетт поднимался медленно, но я все равно не поспевал за ним, одышка и боль усиливались с каждым шагом, напоминая о том, что мое тело нуждается в еде, воде и отдыхе. Если бы не гордость и гнев, я бы уже карабкался на четвереньках.

Добравшись до верхней площадки, я, тяжело дыша, оперся о стену из грубо отесанного камня. Шаги Сетта продолжили удаляться, но вскоре он вернулся за мной.

— Прости, что оставил тебя там так надолго, — сказал он. Его лицо расплывалось у меня перед глазами. — У меня не было выбора. Ты можешь выбраться незамеченным только ночью, и мне нужно было дожидаться, пока уедет Гидеон.

— Он что, ничего не знает?

Мне не хватало времени подумать, почему Сетт меня отпускает, но какова бы ни была причина, его лицо осталось недобрым.

— Наверху есть еда, можешь поесть перед отъездом, — сказал он. — Я собрал твои седельные сумки. Дзиньзо ждет во дворе.

Дзиньзо. Я не смел и надеяться, что когда-нибудь снова увижу своего коня, не говоря о том, что мне позволят свободно уехать, но гнев опередил облегчение.

— Ты тайком отсылаешь меня из города, будто стыдишься.

— Можешь и так сказать.

— В то время как Гидеон отсутствует и не может тебе помешать.

Он секунду помолчал.

— Можешь снова идти? Еда уже близко.

Похоже, задавать вопросы о Гидеоне не разрешалось.

Внутренний дворец изменился. Некогда шумный и заполненный трупами солдат, сейчас он был окутан тишиной и тенями, превращавшими его резные колонны в прячущихся по углам неведомых существ. За бумажными экранами теплился свет, шорох наших шагов отзывался шепотком, но мы не встретили ни одной живой души.

Сетт привел меня в комнатку на первом этаже, где ночную темноту разгоняли две лампы. Низкий столик был уставлен блюдами, но мой взгляд устремился к чаше с мерцающей жидкостью. Не заботясь о том, вино это или вода, я опрокинул ее в рот. Горло обожгло шаром огня, я выронил чашу и закашлялся.

— Кисианское вино, — сказал Сетт. — Кажется, они делают его из риса. Или пшена. Есть еще чай, но не пей так быстро, его подают горячим.

— Зачем? — выдавил я еще более хрипло, чем раньше.

— Понятия не имею. Когда найду кого-нибудь, кто меня поймет, спрошу.

— А вода есть?

Сетт осмотрел стол.

— Кажется, нет. Они не слишком уважают воду. Считают ее грязной, и, возможно, здесь так оно и есть. — Он пожал плечами и хмуро добавил: — И добычу они не готовят целиком, по крайней мере здесь, во дворце. Режут ее на куски. — Он обвел рукой стол. — А лучшие части вообще не едят. Я видел, как они скармливают печень псам.

В желудке боролись голод и тошнота, я выбрал самый опознаваемый кусок мяса и откусил. Слишком много специй и странный соус, но голод все же победил, и я быстро затолкал мясо в рот, потом еще и еще. От еды заболел живот, но голод заставил меня продолжать есть, пока я едва не лопнул.

Пока я ел и пил, стараясь не заляпать и без того грязную и вонючую одежду, Сетт, словно часовой, стоял у двери. Он ничего не говорил и не шевелился, просто стоял, скрестив руки и глядя в пространство. Между его бровями залегла глубокая складка.

Когда голод был побежден, снова разыгралась тошнота, и я прижал все еще трясущиеся руки к животу. В носу стоял противный сладковатый запах непривычной пищи, и я откинулся назад, надеясь, что желудок ее не отвергнет.

Только когда тошнота немного отступила, я смог произнести:

— Ты ведь на самом деле не собираешься меня отпустить?

— Ты так думаешь? По-твоему, Дзиньзо оседлан для кого-то другого?

Я фыркнул и медленно встал, все еще держась за живот.

— Ты правда тайком высылаешь меня из города среди ночи, чтобы никто этого не видел? Что подумают люди? Что я умер? Что ты меня убил?

— Я не хочу, чтобы люди вообще о тебе думали. От тебя слишком много проблем, Рах. Послушай меня. Оставь Гидеона в покое. Оставь Йитти. Они сделали свой выбор, как и остальные Клинки, кто хочет новый дом и лучшую жизнь.

— У нас уже есть дом.

— Так иди, сражайся за него!

Среди экранов повисла тишина, наполненная пылью, запахом специй и ладана. В каждом вдохе я чувствовал вкус призрачных остатков чужой жизни, постоянно присутствовавшего напоминания о том, как далеко я от родных степей.

— Мне вернут клинок? — спросил я, пристально глядя Сетту в глаза.

— И ножи, если хочешь. Если тебе нужна замена сабле, которую ты бросил в Тяне, придется удовольствоваться кисианским мечом. Не особенно подходящая пара, но других у нас нет.

Кисианский меч мне хотелось не больше, чем есть их пищу, жить на их земле или завоевывать их города, но все же я кивнул, и губы Сетта растянулись в сдержанной улыбке.

— Пошли, найдем тебе чистую одежду.

По пути нам не встретилось ни единой души, весь внутренний дворец казался пустой могилой. Тела убрали, но остались сломанные экраны и ограждения, многие двери

превратились просто в проемы, заваленные обломками и бумагой.

Зайдя в какую-то дверь, Сетт поводит перед собой фонарем, осветив вместо опрятной комнаты кучи сложенного по видам оружия в море одежды, кожаных доспехов и кольчуг.

— В основном тут все слишком маленькое, но несколько разрезов в нужных местах это исправят. — Сетт поставил лампу на выпотрошенный сундук и взял нечто из зеленого шелка. — Мундиры у имперской армии были неплохие, но от них почти ничего не осталось.

Я не желал носить кисианские вещи, но моя кожаная одежда видела столько грязи, что не хотелось даже об этом думать. Я много раз в ней сражался, и по коленям стекала кровь множества отрезанных голов. А здесь, несмотря на беспорядок, все выглядело свежим и чистым.

Сетт бросил мне шелковое одеяние. Оно скользнуло у меня между пальцами, цепляясь тонкими нитями за огрубевшую кожу. Я позволил ему упасть и разлиться по полу, как мерцающие зеленые воды залива Хемет.

И снова Сетт стоял молча, пока я обходил комнату, роюсь в россыпях одежды. Штаны, которые я выбрал, были слишком тесные, рубаха слишком длинная, кожаная поддевка слишком тонкая, а плащ слишком тяжелый. Одежда была мне нужна, но врезалась в тело, от нее чесалась кожа, а чересчур тесный воротник душил как удавка. Под левантийским солнцем в таком одеянии можно свариться заживо, но, если кисианские дожди хоть наполовину настолько ужасны, как считали чилтейцы, я буду ему рад. Кошмарные дожди. Если бы чилтейцы не так сильно боялись воды, то, возможно, почували бы зреющий под самым носом мятеж. Или нет. Я же не почувал.

Я раскинул руки, приглашая Сетта оценить мой вид.

— Ну, как я выгляжу?

— Смехотворно. Но чисто. Пойдем, скоро рассвет.

Взяв на замену кисианский меч и сунув вещи в сумку, я снова последовал за Сеттом в тишину дворцовых теней.

— Где все? — спросил я, стараясь поспевать за его быстрым шагом.

— Где им, по-твоему, быть посреди ночи?

Он вошел в зал. Сетт был высоким человеком, но казался крошечным по сравнению с возвышавшимся над ним дворцовым шпилем. Последние слова Сетта поднялись в залитую лунным светом высь, шаги отдавались эхом, когда он пошел к открытым дверям. Нет, не открытым. Сломанным. Чилтейцы разбили главные двери так же, как и многие другие, предоставив Лео пройти сквозь них, будто их открыла рука его бога.

Укол вины вынудил меня воздержаться от дальнейших расспросов. Я поклялся защищать Лео и не сдержал клятву. Так же, как клялся защищать своих Клинков. И свой гурт.

Сетт прошел через разбитые двери. За ними нас встретили пологие ступени и, если бы не душная ночь, я будто бы вновь шел по колоннаде вслед за Лео.

— Что стало с телом Лео?

— Не знаю, — ответил Сетт, не оборачиваясь.

— Как ты можешь не знать?

— Я не спрашивал.

Он еще быстрее зашагал по колоннаде, заполненной удушающим запахом гниющих цветов, раздавленных нашими ногами. За зарослями винограда раскинулся сад. Ночное небо над внешним дворцом осветил удар молнии. Внутри было душно, но здесь оказалось еще хуже. Жара давила тяжелой рукой, от ее влажного прикосновения со лба капал пот.

К тому времени, как Сетт дошел до внешнего дворца, мне пришлось гнаться за ним вприпрыжку. Колени обжигала боль.

— Сетт...

— Просто иди, Рах. У меня больше нет для тебя ответов. Он поспешил под огромную арку. Прогремел гром.

— Где Первые Клинки?

Сетт с каждым шагом обгонял меня еще сильнее, предоставив хромать за ним по темным коридорам и извили-

стым дворикам. От спешки его фонарь тошнотворно раскачивался, ручка скрипела, свет метался по стенам туда-сюда. Непохоже, что фонарь был нужен Сетту. Он знал дорогу. Лео тоже ее знал.

Я покрепче схватил мешок с грязной одеждой и догнал Сетта.

— Сетт, скажи правду, что происходит?

— Ничего. Смотри, как я и обещал, — указал он, когда мы снова вышли в ночь, и его шаги камнепадом застучали по внешней лестнице.

Во дворе ждал Дзиньзо, которого держал под уздцы Тор э’Торин. После смерти командера Брутуса юноша стал свободен, как любой из нас, но темные круги под глазами остались, и держался он напряженно.

— Ты должен был передать приказ, а не оставаться, — сказал Сетт, подходя к нему. — Ты нужен мне внутри, помочь с письмами. Тот писец не понимает и половины того, что я говорю.

— Прости, капитан, — сказал Тор, складывая кулаки. — Не хотел оставлять коня капитана Раха одного в такую погоду. Он мог забеспокоиться.

— Он больше не «капитан» Рах, — рыкнул Сетт.

Я прижался лбом к шее Дзиньзо, зарылся пальцами в ухоженную гриву, притворяясь, что не слышал этих режущих душу слов. Не капитан. Чужая еда в желудке забурлила, вернулась тошнота.

В молчании я осмотрел Дзиньзо, скорее по привычке, чем из опасения, что за ним плохо ухаживали. Лицо Сетта оставалось все таким же хмурым каждый раз, когда я отваживался бросить на него взгляд. Тор тоже остался и переминался с ноги на ногу неподалеку. Он облизал губы и улыбнулся, когда заметил, что я смотрю на него, но улыбка вышла неубедительная.

Снова прогремел раскат грома, далекий, но грозный. При взгляде на закрывавшие звезды тучи я начал понимать страхи чилтейцев.

Мои сабля и ножи торчали из седельной сумки — кисанской, как я заметил, но не посмел спросить, что случи-

лось с моими собственными. Вопрос будто застрял у меня во рту, приклеенный жутковатым чувством, что здесь что-то совсем не так.

— Ну, так ты скажешь мне, что происходит? — спросил я, засовывая мешок с оружием в сумку и похлопывая Дзиньзо по шее.

Сетт рассмеялся, и от этого безрадостного звука по мне побежали мурашки.

— Садись на коня, парень.

Я рискнул бросить еще один взгляд на Тора, но мальчишка уставился на камни. Молния осветила его длинные и растрепанные черные волосы.

— Ладно, — сказал я и отсалютовал Сетту, как Гидеону. — Пусть Нассус ведет тебя и хранит твою душу.

Он будто меня не слышал.

Когда я карабкался на спину Дзиньзо, ноги пронзила боль. Но все слабости моего тела в тот момент превратились в ничто — я снова стал всадником. Сила Дзиньзо наполняла мою душу. С поводьями в руках я мог сидеть гордо и прямо, невзирая на вину, страх и боль. В седле я снова был левантийцем.

— Поезжай на север. — Нетерпеливый перестук копыт Дзиньзо вывел Сетта из транса. — И не останавливайся, пока не достигнешь Ленты. Когда доберешься до дома...

— Я не еду домой. Не сейчас. Я не вернусь туда, пока не повидаюсь с Гидеоном.

Из горла Сетта вырвался крик раненого зверя, и он схватил уздечку Дзиньзо.

— Ты что, вообще не слушал, Рах? Уезжай! Убирайся отсюда!

— Нет, пока хотя бы не попрощаюсь. Он встал на путь, по которому я не могу за ним последовать, но я не могу уйти, даже не увидев его. Даже не...

Сетт придвинулся ближе, прижав мою ногу к боку Дзиньзо.

— Слишком поздно, Рах. Я говорил тебе, что ты ему понадобишься, а ты его подвел. Всех нас подвел. Я не позволю тебе сделать это еще раз.

— Подвел? — Слова резали сердце ножом. — Я пытался спасти его. Спасти всех нас. Я...

Ногу пронзила боль, подобно огненному следу молнии в ночном небе, и я подавил вопль. В покрытых шрамами пальцах Сетта оказалась рукоять пробойника, а его крюк торчал в моем бедре.

— Считай это последним предупреждением. Уезжай. Сейчас же. Он не хочет тебя видеть.

Я до боли сжал поводья Дзиньзо, но огонь в ноге не утих.

— Тогда пусть он скажет мне об этом сам, — процедил я сквозь стиснутые зубы.

Сетт протащил крюк по коже, разрывая плоть. Я хотел закричать, заплакать как ребенок, вытошнить боль на камни, но сжал губы, медленно дыша. Дзиньзо пытался отойти в сторону, но я заставил его стоять смирно, не позволил вырвать крюк.

— Уезжай отсюда, — словно разъяренная змея прошипел Сетт. — Ты хотел знать, где остальные Первые Клинки. Где Вторые Клинки. Они все на стенах, ждут возможности утыкать твою спину стрелами, если ты меня не слушаешь. Так что первый раз в жизни послушай, Рах. Скачи на север — и быстро. И не оглядывайся.

Он рывком вытащил крюк, и я задохнулся. Двор вокруг меня закружился. Горячая кровь пропитала штаны и капала на землю, Дзиньзо попятился, учуяв ее. Прежде чем я успел успокоить коня, шлепок по крупу отправил его в галоп. Копыта загрохотали по камням двора, и мне оставалось лишь крепко держаться, чтобы не упасть.

Ворота пролетели мимо, мы набирали скорость, и держаться ногами с каждым шагом становилось все больнее. Я быстро терял кровь. Рану требовалось перевязать, зашить, но я не обладал навыками Йитти, а он... Сколько моих Клинков желали моей смерти?

Скачи быстро. И не оглядывайся.

Мы проскочили Мейлян в дымке мерцающих огней и тени. В отличие от дворца, город жил, и люди отскакивали с дороги, их крики смешивались со стуком копыт.

Дорога от дворца к северным воротам была прямая и широкая, и Дзиньзо скакал по ней навстречу собирающейся буре, молнии подражали копьям боли, сверкавшим у меня перед глазами. Я скакал мимо сторевших остовов некогда великолепных зданий, мимо фонтанов, святилищ и груд мертвых тел, мимо баррикад и громадных деревьев, похожих на руки, тянущиеся к небу. Впереди показались стены Мейляна, ворота были открыты.

Дзиньзо не сбавлял ход. Кровь заполняла сапог, мне нужно было перевязать ногу, но на стене мелькали огни, и я не мог остановиться. Пока нет. Умереть ради долга почетно. А быть убитым в седле своим собственным народом — нет.

Низко пригнув голову с развевающейся гривой, Дзиньзо пролетел сквозь ворота в ночь. Нас поглотила тьма, но мы не замедлили ход. Каждый удар копыт по дороге, казалось, выкачивал кровь из моей раны, но я сжал зубы в ожидании стрел. Спину покалывало от уверенности в том, что в любой момент может ударить беззвучная смерть. С каждым шагом страх уступал место надежде, пока наконец я не решил оглянуться. Цепочка мерцающих факелов на стене походила на следящие за нами глаза — глаза всех левантийцев, что я привел в это проклятое место. Всех левантийцев, что я должен забрать домой.

— Давай-ка сначала не истечем кровью до смерти и...

Все закружилось, когда я обернулся. Дорога наклонилась, и, не в силах больше держаться, я повалился на нее головой вперед.

ГЛАВА 2

Душтва

Итагай тряс головой, пока я расчесывала спутавшуюся за день гриву. Он не любил этого, и я медленно и осторожно распутывала каждый колтун. Прекрасный повод заставить императора ждать.

Конюшенный двор заполняли другие левантийцы, сидевшие рядом со своими лошадьми или о чем-то бесе-

довавшие маленькими группами. Никто за весь вечер не подошел ко мне, даже мои Клинки. Теперь, когда первый огонь победы угас, никто толком не знал, что говорить. Мы победили. Мы захватили город. Перебили врагов, этих ужасных людей, мучивших нас и моривших голодом, но... Ликование отступало, и закрадывались сомнения. Победа ничего не вернула назад, она сделала все лишь запутаннее.

— Не думаю, что мы им нравимся, — донесся голос от соседнего стойла. Конюшни. Домики для лошадей, как будто им непривычен дождь над головой.

— Вот и прекрасно, потому что мне они тоже не нравятся, — последовал тихий ответ. — Когда заканчивается твое изгнание?

— Через половину цикла, а твое?

— Примерно так же.

Дальше вопросов не последовало, но я сомневалась, что причиной стала лишь преданность нашему гуртовщику. В последнее время множество языков сковывал страх.

— Капитан Дишива э'Яровен?

Я повернулась, забыв щетку в гриве Итагая. В дверях стоял широкоплечий левантиец, мощные руки сполна компенсировали недостаток роста. Он был не из моих Клинков и незнаком мне, но это и неудивительно, учитывая, сколько нас собралось в одном месте.

— Да?

— Гуртовщик... Император Гидеон желает поговорить с тобой.

— Я знаю, но кони сами себя не вычистят.

Человек расслабленно прислонился к дверному косяку, мышцы на сложенных на груди руках выпирали еще сильнее.

— Да, но они и не бесятся, если заставлять их ждать.

Я вздохнула.

— Остальной гриве придется подождать, — сказала я, положив руку на шею Итагая. — Но не думай, что так легко отделался. Неприлично ходить с запекшейся кровью и колтунами, знаешь ли.

Левантиец усмехнулся, став похожим на зеленого седельного мальчишку.

— Ну, не знаю, он выглядит довольно лихо, — сказал он, но, когда я обернулась, оказалось, что он смотрит на меня.

— Как тебя зовут?

— Ясс эн'Окча, капитан, — ответил он, сложив кулаки в приветствии.

— Ты очень занят, Ясс эн'Окча?

Его брови поднялись к короткой поросли волос, уголок рта дрогнул.

— Капитан рода Яровен нуждается во мне?

Я сунула ему щетку.

— Его зовут Итагай. Если тянуть слишком сильно, он укусит. Я скоро вернусь.

— Итагай?

Я закатила глаза.

— Моя мать любила истории путешественников и почти каждый вечер рассказывала мне о драконе Итагае. Это не так уж странно.

Ясс рассмеялся, и я позавидовала его беспечному смеху.

— Как скажешь, капитан.

— И ты останешься здесь, пока я не вернусь?

Он ухмыльнулся еще шире.

— Это я могу.

Он смотрел мне прямо в глаза, пока я не прошмыгнула мимо него в темноту. Дверь конюшни закрылась, но я будто утащила за собой его часть, его присутствие ощущалось физически. Всего лишь мускулистая фигура и заинтересованная улыбка, и вот я уже хочу заставить Гидеона подождать еще дольше. Но я все же ушла, не оглядываясь.

Левантийцы во дворе понижали голос, когда я проходила мимо, оглябая группы сидевших на камнях мужчин и женщин. Они тоже следили за мной глазами, и мне казалось, что они могут читать мои мысли, видеть рваные, кровоточащие края моей души.

По пути к особняку я миновала обломки какого-то осадного орудия, состоявшего из блоков, веревок и растрескавшихся рычагов. Рассыпанные повсюду останки войны на-

поминали не только о том, как далеко мы зашли, но и о том, сколько еще предстоит пройти.

Поместье, в котором мы остановились на ночь, вероятно, принадлежало какому-то кисианскому вельможе. В нем были конюшни, сады, толстые стены и возделанные поля, и так много комнат в доме, что он напоминал лабиринт. Всем капитанам выделили комнаты внутри, но я сбежала из душных коридоров, как только смогла, предпочитая открытое небо толстым черным балкам. Они выглядели тяжелыми, как и черепичная крыша. Достаточно тяжелыми, чтобы раздавить меня, если упадут.

Я прошла мимо двух Клинков Намалака, стоявших на лестнице. Алый шелк поверх доспехов будто покрывал их кровью.

— Капитан Дишива, — поприветствовал меня один из них.

Я кивнула, не рискуя заговорить, поскольку вряд ли они разделяли мое мнение об их новом наряде.

Внутри меня встретил длинный, залитый светом ламп коридор, где с каждой стены тарачились портреты спесивых кисианцев. Мне хотелось вырвать им глаза, но Гидеон много раз говорил, что кисианцы не чета чилтейцам и нам не враги. Они теперь наш народ, наши подданные, и их следует уважать. Конечно, до тех пор, пока они преданы своему новому императору. Как и всегда, он был прав. Мне просто это не нравилось.

На пути к комнатам Гидеона я проходила мимо других левантийцев, одетых как кисианские гвардейцы. Я превосходила рангом их всех, но ни один не поприветствовал меня. Там не было ни других капитанов, ни их заместителей, ни охотников, ни конюхов, ни целителей, только жадные до славы и привилегий Клинки, и я злобно зыркала на каждого. Двое у резных дверей покоев Гидеона даже заступили мне путь, скрестив на груди руки.

— Кто желает получить аудиенцию его величества?

Я выпрямилась.

— Я капитан Дишива э'Яровен, а вы убирайтесь с дороги.

— Мы тебе не подчиняемся.

— Кто вы? Кто ваш капитан? Я расскажу ему о вашем неподобающем поведении.

Один из них ослабилась, отчего шрам над верхней губой скривился в странное подобие улыбки.

— У нас больше нет капитанов. Мы служим только его императорскому величеству.

Я сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

— Что ж, его императорское величество послал за мной, так что убирайтесь с дороги сами или я вас заставлю.

Обе сабли висели на левом бедре, но я тронула кинжал, оценивая слабые места в их новых доспехах.

Раньше, чем они успели ответить, дверь открылась, и стражи расступились, чтобы пропустить низенького ки-сианца в белом одеянии. Он низко поклонился и что-то пробормотал на их чудном языке, жестом приглашая меня войти. Оба наглых Клинка держались расслабленно, но мое сердце колотилось от гнева, и я не могла сделать ни шагу.

Маленький ки-сианец скривился и отчаянно замахал мне рукой. Изнутри доносился гул голосов, звон тарелок и шорох шелка, хотя комната казалась пустой.

Собравшись с духом, я вошла в большую, сильно пахнущую благовониями комнату.

— Капитан Диш... — начал ки-сианец. — Капитан Дишава Яр...

— Дишава, — поправила я. — Капитан Дишава э'Яровен.

Коротышка тихонько повторил это, практикуясь, но от его незаконченного объявления гул разговоров уже стих. Из соседней комнаты слышались шаги, и через тонкие бумажные двери вошел Гидеон.

— А, капитан Дишава, — улыбнулся он. — Ты-то мне и нужна.

Я остановилась посреди камышовой циновки и первый раз в жизни поморщилась от мысли, что могла натоптать на ней лошадиным дерьмом. Не поднимая глаз, я жестом поприветствовала нового императора. Он тоже нацепил ки-сианский шелковый плащ, свисавший с его плеч как запятнанный кровью флаг. Изящно вышитый, отделанный золотой нитью флаг.

Я молчала, и Гидеон вопросительно поднял брови.

— Все в порядке, капитан?

За бумажными экранами двигались тени. Маленький кисянец исчез, но незнакомая обстановка давила на меня. Бледные пятна на полу и стенах говорили о том, что часть мебели вынесли, но от декоративных ваз, экранов, статуй и ламп было нечем дышать.

— Да, гуртовщик. Мне просто неудобно в таком окружении.

— А, — поморщился он. — Надеюсь, ты привыкнешь, потому что у меня для тебя задание.

Он призывал к себе каждого капитана и ставил новую цель. Я знала, что придет и мое время, и страшилась этого. Но, несмотря на мои страхи, это был мой народ, а Гидеон — мой гуртовщик. Я выпрямилась.

— Что я должна сделать, гуртовщик?

— Я хочу, чтобы ты и твои Клинки отвечали за мою охрану и охрану моей жены. Я..

— Жены? Но ты же Клинок Торинов. Тебе не позволено жениться.

Гидеон поднял брови, и от его недолгой паузы я залилась краской стыда.

— Я был Клинком Торинов, — сказал он, — а теперь я император Левантийской Кисии. И если хочу оставаться им достаточно долго, чтобы построить нам новый дом, то должен жениться на кисянке. Нам не хватит Клинков, чтобы удерживать эти земли силой, поэтому нужна дипломатия.

Новый дом. Он называл наши степи отравленными, больными, зараженными неким злом, проникавшим в умы и сердца наших предводителей и обращавшим их против нас, но, хотя я видела все собственными глазами, это не могло унять тоску. Кисия, с ее густыми зелеными лесами, влажным воздухом, единственной луной и незнакомой пищей, не могла заменить степи.

— Ты ведь тоже этого желаешь? — спросил Гидеон, когда я ничего не ответила.

Он умолчал о том, что не мог рисковать и оставить капитаном того, кто не верит в его замысел. Рах был тому подтверждением.

— Нам нужен безопасный дом, — продолжил он. — Нам нужно выжить. Приспособиться. У себя дома мы вымираем, Дишива, вымираем. Наш образ жизни, наш народ, наша честь — все, что сделало нас великими, станет нашей погубелью, если мы не сможем измениться.

И снова смутное ощущение присутствия Раха. Несгибаемого и не желающего меняться.

Гидеон зашагал по комнате, под тяжелой поступью потрескивали камыши. На менее высоком человеке его шелковый плащ тащился бы по полу, но на нем он беспокойным морем плескался у лодыжек.

— Нам придется сражаться за новую родину, иначе для нас не останется места в этом мире. Иначе левантийцы станут воспоминанием, наши рощи превратятся в пыль, а боги будут забыты. — Он развернулся ко мне, сжав руки за спиной так, что рукояти сабель на бедрах стали еще заметнее. — Скажи, могу ли я рассчитывать на тебя? Хочешь ли ты сражаться за будущее, в котором наш образ жизни будет сохранен и продолжится, а не сгинет на ветру перемен? Если не можешь, я выберу кого-нибудь другого.

Он обладал завораживающей манерой речи, бравшей за душу и сжимавшей сердце, и в порыве чувств я сложила кулаки в приветствии.

— Я с тобой, гуртовщик. Для меня и моих Клинков будет честью защищать тебя.

— И госпожу Сичи. Она просила женскую стражу, а я доверяю тебе более всех остальных.

— Это честь для меня. Однако, не в обиду тебе, гуртовщик, я думала, что мы ищем императрицу Мико, чтобы ты мог на ней жениться. Возможно, я просто не поняла, как устроено их общество.

— Нет, все верно, но... — Он остановился и кивком подождал меня ближе. Молчание только подчеркнуло, что за дверью ведется разговор на чужом языке.

Вблизи его дыхание пахло вином, под глазами залегли темные круги.

— Брак с Сичи Мансин — это фундамент, на котором построен мой союз с кирианцами. Мы получаем нашу империю, они получают нас, а через семейные связи госпожи Сичи — могущество, которого лишил их император Кин. Поэтому так важно, чтобы ты охраняла ее.

— Она желает этого брака?

— Да.

Я кивнула, и он отошел назад.

— Их общество древнее и сложно устроенное, оно основано на постоянно смещающемся балансе сил и фамильной чести. За несколько дней понять его невозможно. Но мы должны уважать их традиции, если хотим, чтобы они уважали нас.

— А императрица Мико?

— На нее у нас другие планы.

Он говорил небрежно, но зловещие слова предвещали пропавшей императрице недоброе.

— Завтра мы выезжаем в Когахейру, — сказал он. — Там мы пробудем какое-то время, строя планы на будущее. Тебе и твоим Клинкам выдадут имперские мундиры моей личной гвардии. Ты дашь мне Клинков, но сама поскачешь с госпожой Сичи, ее охрана — твоя главнейшая задача.

Я совсем не жаждала охранять утонченную кирианскую даму, но в присутствии Гидеона вера в наше дело вспыхнула с новой силой. Он провел нас сквозь чилтейское вторжение, освободил от оков, верил в наши возможности и в то, чего мы заслуживаем, и на какое-то время мой голос сковали эмоции, я не могла говорить, лишь подняла кулаки в приветственном жесте и склонила голову.

Гидеон положил руку мне на плечо, и от ее мягкой, дружеской тяжести я едва не расплакалась. Я даже толком не понимала, о чем эти слезы, но они все равно давили на глаза и сжимали горло.

— Это был трудный для нас путь, — сказал он. — И я не могу обещать, что не станет еще труднее, но обещаю, что

буду сражаться за наш народ и наше право существовать в этом мире, до последнего дыхания и капли крови. — Он сжал мое плечо. — Легко лишь лечь и умереть, но левантийцы так не поступают.

— Да, — выдавила я. — Левантийцы так не поступают.

Пока я боролась с комком в горле, он снял руку с моего плеча. Его мягкие манеры в столь полной мере воплощали старейшину гурта, что меня снова окатило тоской по дому, который мы потеряли.

— Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, капитан. Будучи императором, мне приходится изображать для кирианцев властную отчужденность, но я все еще твой гуртовщик.

Он отпустил меня, больше ничего не сказав, и я ушла, чувствуя одновременно новый прилив рвения и боль. Как бы я ни старалась закопать страдания поглубже, убить воспоминания, они всегда сидели прямо под кожей, так близко, что могли вылиться наружу от любой царапины.

Во дворе меня встретил раскат грома. Я думала, что не может быть ничего хуже полумрака в особняке, но нарастающая влажность не давала дышать. Над воротами ударила молния, Клинки переговаривались и ворчали о приближающейся буре.

Ясс эн'Окча ждал меня в стойле Итагая. Встреча с Гиде-оном отвлекла меня, и я совсем забыла о Яссе, но, не желая оставаться наедине с прилипчивыми воспоминаниями, похвалила себя за дальновидность.

Ясс закончил расчесывать гриву Итагая и перешел к хвосту, добавив к списку своих достоинств, пока состоявших из сильных плеч и лукавой улыбки, еще и прилежание. Он посмотрел на меня через то самое плечо и одарил той самой улыбкой.

— О, мой капитан вернулся!

— Я не твой капитан. Если ты Первый Клинок, то твой капитан — Тага.

— И прекрасный капитан, но она никогда не доверяла мне чистить своего коня. А он норовистый, твой мальчик, — добавил он, похлопывая Итагая по крупу. — Сроду не

видел, чтобы конь выглядел так высокомерно. Кажется, ему не понравились мои истории.

— Ты рассказывал ему истории?

— Почему бы и нет? Надо же было как-то убить время. — Ясс положил щетку на мою седельную сумку. — Могу я что-нибудь еще для тебя сделать, капитан?

Я вошла внутрь, и дверь конюшни закрылась за мной. Улыбка Ясса стала еще шире.

— Здесь? — спросил он, взглянув на кучу соломы в самом дальнем от копыт Итагая углу.

— Здесь, — согласилась я, начав расстегивать ремень. Пальцы дрожали, и я понадеялась, что он не заметит.

Сабли упали на пол, и Ясс подошел ближе, коснулся своими губами моих. Я отвернулась, страх тысячей игол вонзился под кожу.

— Нет. Не это.

Он замер на мгновение, но усмехнулся, взял мою руку и прижал к твердому выступу между ног.

— Значит, только это? — хрипло спросил он.

— Только это. — Я убрала руку. Его мягкость вскрывала мой панцирь так же, как мягкость Гидеона. — Я слишком плохо тебя знаю, чтобы хотеть чего-то еще.

Ясс пожал плечами и стянул штаны, и, решительно настроенная не уступать ему в уверенности, я стала стаскивать свои. Они липли к потной коже, но я все же умудрилась высвободиться, не упав. Он наблюдал за мной с недрогнувшей улыбкой. Одобрительной. Может, даже удивленной, и слишком интимной, наполнившей меня желанием сбежать. Лишь присутствие Итагая и беспокойный стук его копыт умилили поднимающуюся во мне панику.

Я толкнула Ясса на солому, и он повалился со смехом. Свободная, легкая радость в этом звуке заставила меня метнуться взглядом к двери. Никто из тех, других, так не смеялся. Никто так не улыбался. Они просто хотели меня оседлать.

Не желая позволить страху победить, я опустила на Ясса. Он со стоном проник в меня, ладони скользнули к моей груди. Он тяжело дышал, смеялся и извивался подо

мною, но я лишь сжимала зубы, пользуясь всей полнотой власти над этим мужчиной, так радостно отдававшимся мне. И стараясь не смотреть на него, не ощущать его запах, не целовать и не трогать. Ясс продержался не так долго, как остальные, и этим только больше мне понравился. В конце с нас обоих все равно лился пот.

— Нефер говорил, что ты дикая, — сказал Ясс, утирая пот со лба и ухмыляясь. — Можешь приказывать мне в любой день.

Я искала в седельной сумке какую-нибудь тряпку, но рывком развернулась, будто от пощечины.

— Что? Нефер тебе рассказал?

— Ага, а когда Амсу сказал, что ты скакала и на нем, я хватился за возможность передать тебе сообщение от гуртовщика. Решил, что тоже должен доставить тебе удовольствие.

Мое лицо залилось краской.

— Решил исполнить долг? — Я швырнула в него штаны. — Убирайся отсюда и скажи своим друзьям, чтобы не подходили ко мне.

Улыбка исчезла с его лица.

— Что? Я не хотел... Эй! — Он поднял руки, чтобы рукояти его клинков не попали в голову, а я, до сих пор обнаженная ниже талии, вынула свою саблю из ножен. — Эй, эй, полегче!

Я поднесла клинок к его опавшему члену.

— Я вам не трофей. Я не шутка. Я не байка, которую можно рассказывать друзьям, чтобы они тоже могли меня трахнуть. Я — капитан рода Яровен и отрежу тебе яйца, если будешь говорить обо мне с неуважением, как о животном.

Пятясь от клинка, он скользил голыми ногами по усыпанному соломой полу.

— Эй! Стой! Я не говорил... Я просто... Да убери эту хреновину от меня! Ты рехнулась?

Зажатый в углу Ясс выставил руку, чтобы защититься от моего клинка, а другой рукой прижимал к себе штаны, прикрывая наготу. От страха его глаза распахнулись, и мой

гнев отступил, как отлив. Вот она я, капитан Клинков могущественного рода Яровен, обнажила клинок на другого левантыйца в конюшне вдали от дома, воспоминания о котором болью отдавались внутри. Даже Итагай фыркал и беспокоился, вороша копытами свежее сено.

Моя рука дрожала. Я обнажила клинок, и он должен напиться крови, прежде чем снова упокоится в ножнах, но человек передо мной не заслуживал такого гнева. А те чилтейцы, что заслуживали, уже мертвы.

Взяв саблю за лезвие левой рукой, я развернула ее рукоятку вперед.

— Я позволила гневу взять над собой верх. Ты вправе ударить.

Ясс прищурился, прежде чем взять предложенный клинок. Я хотела вытереться и одеться, но стояла, опустив руки, и ждала, когда он пустит мне кровь. Рука? Горло? Он мог бы и убить, если я задела его гордость так же сильно, как он мою.

Сабля повисла между нами, а затем, продолжая смотреть мне в глаза, Ясс взял ее и провел острым краем по своему предплечью. Потекла тонкая струйка крови, но он не проронил ни звука и не попытался ее остановить. Он протянул клинок мне.

— Прости. Я не хотел тебя оскорбить, капитан. — Он оперся о стену, натянул штаны и сапоги. Я не шевелилась. — Капитан Дишвива, — сказал он, сжав кулаки в приветствии. Погладив Итагая, он проскользнул мимо меня в ночь.

Хлопок закрывшейся двери заставил меня поспешно одеться. Щеки горели, голову наполняли угрызения совести. О чем я только думала? Обнажила клинок на левантыйца. И в такой ситуации.

— О боги! — Я закрыла лицо руками. — Что я наделала? Итагай не издавал ни звука, только смотрел, как я беснуюсь.

— Я дура, Итагай. Просто дура. Ну какой из меня капитан?

Донесшийся со двора крик прервал мои причитания. За ним последовал другой и топот бегущих ног. Схватив ре-

мень, я вылетела в дверь, застегиваясь на ходу. Волна всеобщего возбуждения неслась к воротам.

— Что случилось? — спросила я, заметив капитана Менесора э'Кару вместе с его заместителем, хмурой женщиной, имя которой не смогла припомнить.

— Кто-то у ворот, — ответила она.

— Кто-то должен сообщить гурт... — Капитан Менесор оборвал себя на полуслове, нахмурившись еще сильнее своего заместителя. — Кто-то должен сообщить его величеству. Джейша, пошли кого-нибудь или пойди сама, если...

— Уверена, что наши новые друзья с этим справятся, капитан. — Она указала на кисианцев в сторожевой башне. — Если это враги, я предпочла бы остаться.

Мы подошли к толпе левантийцев — они обеспокоенно вытягивали шеи, держа руки на рукоятках клинков. Шепот походил на шорох зыбучих песков. Однако враг не появлялся. Оставив Менесора и Джейшу, я пробралась сквозь толпу к страже у ворот. Кто-то ругался мне вслед, но большинство безропотно позволяло пройти. Какие бы догмы ни пришлось нам нарушить ради того, чтобы выжить, уважение к капитанам оставалось незыблемым.

Внутри закрытых ворот я обнаружила Лашак э'Намалаку, разговаривающую с капитанами родов Шет и Охт, а также своего Первого Клинка, капитана Атума э'Яровена. Капитан Тага эн'Окча тоже была здесь, и, вспомнив про Ясса, я не могла посмотреть ей в глаза.

— Что происходит? — поприветствовала я капитана Атума. — Говорят, что враги у ворот.

Он коротко рассмеялся.

— Враги? Нет, не враги. Враг.

Я уставилась на него — понимание, похожее, где-то заблудилось по пути ко мне.

— Боюсь, я не совсем поняла, капитан. Враг? Там... там, за воротами, один человек?

— Так говорят дозорные. — Он указал на левантийцев, стоявших вместе с кисианцами на сторожевой башне. Стены поместья были не слишком высокие, но толстые

и крепкие, и вполне могли пережить нападение одного врага.

— Мы так взволновались из-за одного человека?

Капитан Тага рассмеялась так же невесело, как и капитан Агум.

— Нас волнует не количество врагов.

— А что же тогда?

— Дорогу его величеству!

Позади нас поднялись крики, и толпа расступилась, шаркая сапогами по камню. Подошел Гидеон в сопровождении двух Клинков в имперских плащах. Тот самый старый низенький кисианец тоже был с ними, он сутулился, будто пытаясь стать невидимым. Я посочувствовала тому, в какое положение поставили его жестокие повороты судьбы.

— Откройте ворота, — приказал Гидеон, его великолепный шелковый плащ развеялся так далеко за спиной, что сейчас он больше походил на того левантийского капитана, за которым мы последовали в эти чужие земли.

— Ты уверен, гуртовщик? — спросила капитан Тага, поглаживая оперение стрелы. Мы можем просто сделать из него ежа.

— Нет. Откройте ворота.

Капитан Агум, никогда не поручавший другим то, что мог сделать сам, вышел вперед. Другой человек оглянулся бы посмотреть, не передумал ли его гуртовщик, но только не Агум. Он поднял засов и с грохотом бросил его на землю. Вдалеке эхом прогремел гром, но никто не говорил и не шевелился. Клинки у ворот напряглись, готовясь к бою.

Агум взялся за одну створку, Тага за другую, и вместе они потянули их, кричтя от натуги. Между створками показался кусочек ночи, становясь все шире. В проеме стояла одинокая фигура. Тень в ночи.

Вокруг зашептались. Глаза метались от Гидеона к вновь пришедшему и обратно, но никто не шевелился, пока ворота со стуком полностью не открылись. Человек подошел. Медленно, спокойно, уверенный в том, что его хорошо примут. Он остановился в нескольких шагах от Гидеона. Бледная рука откинула капюшон.

Посреди собирающейся бури стоял Лео Виллиус. Те же волосы. Те же глаза. Та же улыбка. Даже льняная маска, висевшая на шее, казалась той самой, которую мы сожгли. Только без шрама на перерезанном нами горле. И отрезанные губы, и выколотые глаза были на месте — глаза, посмотревшие на меня, на Тагу и Атума, а потом на толпу, прежде чем тяжелым, как сотня голов, взглядом остановиться на Гидеоне.

— Добрый вечер, ваше величество.

ГЛАВА 3

Кассандра

Эта сука непрерывно пялилась на меня. Никакие красоты пейзажа не привлекали ее внимания. Она не обращала внимания ни на шум снаружи, ни на тряску нашего экипажа. И когда день обратился в ночь, взгляд ее странного цвета глаз продолжал вгрызаться мне в плоть.

— Прекрати, — сказала я ей. Никакого толку. Я пыталась ругаться, обливала ее долгими потоками цветистых проклятий, почерпнутых в плавильном котле женавского порта, но она смотрела еще пристальнее. Пусть и молчала, но понимала прекрасно. И теперь не отвела взгляд. Я с тяжелым вздохом закатила глаза. — Прекрати таращиться на меня. Прошу тебя.

Ее губы чуть изогнулись в улыбке, а внимание обратилось на обмякшую фигуру императрицы Ханы Ц'ай рядом со мной. Минут десять отдохнуть от обжигающего взгляда лиловых глаз — ради этого стоило вежливо попросить.

«А она неплохо тебя дрессирует, Кассандра, — произнесла Она в моей голове, в первый раз с тех пор, как мы снова вернулись в карету. На последней стоянке императрица Хана не приходила в сознание, но Знахарь все равно проверял ее, совершенно не обращая внимания на мое присутствие — приложил ладонь к ее лбу и горлу, потрогал пальцы. — Может, мне давно стоило научить тебя вежливости».

— Не сработало бы, — проворчала я.

Взгляд лиловых глаз опять обратился ко мне, девушка склонила голову набок, рассматривая меня, как некую диковину.

— Я не с тобой разговаривала.

Она не отвела глаз.

— Ее императорское величество куда интересней меня. Смотри, у нее посинели губы от той дряни, которую твой богочеловек зачихал ей в глотку, и волосы совсем растрепались.

Ни слова в ответ. Ни движения.

Я стала смотреть в окошко на бегущую мимо ночь, но с ночью проблема в том, что там смотреть-то и не на что. Какое-то время еще мелькали под лунным светом поля, деревни, даже отблески на воде. А теперь ничего, одна темнота. Останавливались мы, только чтобы есть, пить и менять лошадей, путешествие слишком напоминало наш с Лео путь в Кисию. Тогда я казалась себе такой умной, зная, что он пытается сбежать от меня же.

За окном полыхнула молния, но с другой стороны была только тьма. Вероятно, девушка тоже это отметила и, прикрыв фонарь внутри кареты, выглянула в окно. Императрица Хана сопела, как спящий медведь. Вспышка огромной зазубренной молнии снова прорезала небо и исчезла за лесом, оставив полосу света в моих глазах.

«Кажется, мы все-таки увидим дожди», — сказала Она.

«Не уверена, что это к добру».

«И уж точно не к добру для войск, если они еще не взяли Мейлян».

Я кивнула в молчаливом согласии. Девушка открыла фонарь, и тесное пространство снова озарилось рассеянным светом. Она закрыла глаза и прижалась носом к толстому стеклу окошка. Это было самое любопытное проявление жизни из тех, что она выказывала, но, удовлетворившись или нет, она вскоре снова выпрямилась, глядя в никуда.

Неужели боится дождей? Опасается, что они нанесут свой удар раньше, чем доберемся до места? Это значило, что впереди еще долгий путь. Есть время для побега.

«Убежать отсюда? — спросила Она, прочтя мои мысли. — Мы же хотели здесь оказаться. Ты сама хотела.»

«Я ни разу не просила продавать меня в рабство. А кто знает, как он будет меня мучить?»

«Разумеется, — согласилась Она. — Например, накормит тебя, проверит твоё здоровье и...»

«Да, как собственное животное».

Ответа у Нее не нашлось, я прислонилась к стенке кареты и попробовала задремать. Я не спала весь тот день и ночь, но теперь не могла уснуть, только слушала шорох дождя. Внизу подо мной грохотали колеса, далеким громом слышался стук копыт, но изнутри раздавалось лишь негромкое сопение спящей императрицы. Потом послышался шорох переворачиваемых страниц. Я повернула голову так, чтобы сквозь полуприкрытые веки наблюдать за девушкой. Она держала на коленях раскрытую книгу, на переплете блестело золото. У многих богачеев Женавы имелись переплетенные книги, но, посещая с той или иной целью такие дома, я ни разу не видела украшенных золотом. Должно быть, важная книга.

Мне удалось задремать. Казалось, совсем ненадолго, но когда я снова открыла глаза, карету заливал свет. Не особенно яркий, скорее слабый и водянистый, как в туманное зимнее утро. После короткого сна у меня болели глаза, а тереть их было все равно что втирать песок в открытые раны.

— Проклятье, — простонала я, закидывая связанные руки, чтобы прикрыть глаза.

«Касс».

— Отстань.

«Нет! Слушай, Касс!»

Тревожные нотки в ее голосе заставили меня затаить дыхание и прислушаться. Колеса экипажа, лошади, тихий шорох в дальнем углу и...

Дождь.

Я села, хлопая глазами. Императрица не спала, но и на меня не смотрела, как и девушка на противоположном сиденье. Она глядела в окно на потоки воды, которые рас-

секали воздух, заслоняя обзор, словно тысячи роящихся насекомых.

Они скроют и меня, когда я побегу прочь отсюда.

«Нет, не делай этого, Касс, прошу тебя!»

— Мне нужно помочиться.

Девушка огляделась. То же самое сделала и ее императорское величество, я постаралась не встретиться с ее презрительным взглядом. Женщина с лиловыми глазами ничего не сказала, но нетрудно было понять, отчего она хмурится.

— Да, я вижу, что дождь, — продолжила я. — Но либо ты останавливаешь экипаж, и я помочусь снаружи, либо я это сделаю прямо здесь.

Молодая женщина молча смотрела на меня, пока я, вздернув брови, не спросила:

— Ну и? Жизнь на улице научила меня не стесняться.

Отвращение быстрой вспышкой оживило ее лицо, и, поморщив нос, она с силой постучала в крышу кареты. Стук едва был слышен сквозь дождь, но снаружи раздался крик, и карета резко остановилась. Мужчина распахнул дверцу и остался стоять под дождем, заливавшим низко спущенный капюшон плаща. Позади него мрачным контуром вырисовывался Знахарь верхом на лошади.

— В чем дело? — произнес он.

Дождь стекал по его лицу, голова была непокрыта, но его, казалось, это не беспокоило.

— Мне нужно помочиться, — сказала я и встала со своего места, не дожидаясь ответа. Скрючившись пополам, я протиснулась мимо торчащих колен императрицы Кисии и вышла в бурю. Тяжелые крупные капли били как камни, и за секунду я промокла до нитки. В Чилтее нам знакомы бури, и я часто удивлялась тому, что многие торговцы так боятся кирианских ливней, но ни одна буря, обрушивавшаяся на Женаву, никогда не оставляла синяков.

Дверца экипажа закрылась, и равнодушный к дождю Знахарь указал мне в сторону смутно видневшихся зарослей.

— От какого-нибудь жилья мы сейчас чересчур далеко. Очень жаль, что твой мочевого пузырь переполнился — теперь будешь мокрой до конца поездки.

Оглушенная ливнем, который сбивал меня с ног, я лишь молча смотрела на Знахаря. А он смотрел на меня, и черты его совершенного лица были абсолютно бесстрастны.

— Не идешь? — спросил он, отбрасывая со лба прядь мокрых волос. — Можешь облегчиться прямо здесь, если пожелаешь. Мне безразлично.

Идти я не жаждала, но яростный ливень усиливал нужду в десять раз, и я решилась.

— Деревья сгодятся.

Я хотела было попросить его развязать мне руки, но это могло лишь заставить его насторожиться и подумать о моей подлинной цели, и потому поплелась мимо Знахаря в проливной дождь. Как будто плыла по воде, с усилием хватая воздух.

Я сделала шаг с дороги, и ноги увязли в луже, башмаки теперь хлопали при каждом шаге. Конечно, Знахарь смотрел мне вслед, и я не смела не только оглядываться, а даже и думать чересчур громко, пока не добрела до деревьев.

Он тоже последовал за мной недалеко в лес и наблюдал, как я выбираю подходящее дерево.

— Эй, ты можешь оставить меня на минутку? — крикнула я, вцепившись связанными руками в штаны. — Трудно писать, когда кто-то смотрит.

Богоподобный не ответил, но коня развернул и скрылся из вида. Темный хвост коня исчез с последним взмахом, после этого я отсчитала три долгих секунды. А потом вынула из штанов руки и побежала. Ноги расползались на скользком суглинке, но я бежала через лес все дальше, не заботясь о направлении, раздирая кусты на пути и ломая ветки.

Отчаяние придавало силы утомленному телу, но пропасть в лесу все равно было лучше, чем остаться в плену у Знахаря. Как случилось, что я бегу по западной Кисии от какого-то сумасшедшего?

«Нам с тобой нужна помощь, Кассандра!»

На вершине холма я увидела мертвое дерево с огромным дуплом и свернула к нему, утопая ногами в размокшей грязи на склоне. Если я помещусь внутри, может быть, удастся спрятаться, переждать...

Внезапно ногу пронзила боль, и перехватило дыхание. Я качнулась назад, утратила равновесие и катилась по склону вниз до тех пор, пока боль в голове и заднице не сравнялась с болью в лодыжке. Стиснув зубы, я с глухим шипением оцупала ногу — из лодыжки торчало древко стрелы.

— Проклятье!

Я попробовала подняться, но ступни скользили, а стрела при каждом движении дергалась. Я с такой силой стиснула зубы, что в ушах загремело громом.

Впереди мелькнуло что-то движущееся. Сидя на лошади, Знахарь молча меня рассматривал. В руке он держал лук.

— Кажется, я давно не практиковался в стрельбе, — ровным тоном заметил он.

— Ты мне только что проткнул ногу стрелой, проклятый кусок... — я со стоном прервалась, попытавшись встать. Голова кружилась.

— Если ты не хотела, чтобы на тебя охотились, нечего было бежать, словно дикий зверь. Попытаешься еще или удовлетворишься тем, что попробовала один раз? Продолжать, как мне кажется, будет больно и утомительно, но у многих людей упрямство перевешивает инстинкт самосохранения.

Я смотрела на человека, назвавшегося богом, говорившего, как напыщенный воспитатель, и не обращающего внимания на дождь, и надежда вырваться на свободу покидала меня. Теперь я могу разве что ковылять, а у этого человека еще много стрел. Он — стена, о которую я могла биться до потери сознания, бесконечное море без берегов. Тем не менее он меня не убил. Не ударил. Вообще не тронул. Он хотел, чтобы я осталась целой и невредимой, и от этого больше, чем от всего остального, меня до костей пробирал озноб.

Оставалась одна надежда — найти свежий труп, и тогда Она...

«Касс, он назвал тебя Ходячей смертью в разговоре с иеромонахом. Он знает».

Я смотрела в эти почти немигающие глаза, тускло-серые, но острые, как стекло.

«Он способен меня видеть, Касс».

«Но я не могу позволить ему просто так затащить меня обратно в карету. Я должна попытаться, должна...»

«Ты сама бралась за работу, лишь бы только добраться до Знахаря. Ты хотела освободиться. Разница только в том, что теперь я этого тоже хочу. Не заставляй меня с тобой драться».

Да уж, свобода.

«Ты действительно думаешь, что шанс есть?» — сказала я ей.

«Да. Надеюсь».

— С меня хватит, — произнесла я, заставляя себя улыбаться более вызывающе и уверенно, чем чувствовала. — Но ты прав. Оттого, что я попыталась, мне легче. — Я указала на стрелу: — Как еще я могла бы испытать подобное удовольствие?

Знахарь направил свою лошадь ко мне. Намерения были ясны, хотя, если он ждет, что я полезу на спину его лошади со связанными руками и торчащей в ноге стрелой, от меня получит только поток ругательств. Однако, вместо того чтобы приказывать лезть вверх, он убрал лук, склонился ко мне и, схватив за рубаху, поднял, как щенка. Ворот врезался в горло, рукава больно впились в подмышки, а Знахарь дал мне пару секунд повисеть и бросил перед собой. Прежде чем я успела возмутиться таким недостойным обращением, он прищипорил лошадь, и стрела начала подпрыгивать при каждом шаге.

Едва мы выехали из-под защитного покрова деревьев, как на нас опять со всей силой обрушился дождь. На дороге ожидала карета, с конских грив и опущенного капюшона возницы лилась вода. Для быков, тащивших крытую повозку вслед за каретой, ноша полегчала без тяжелого деревянного ящика, на который меня обменял иеромонах.

Вместо того чтобы вернуть меня к дверце экипажа, Знахарь направил лошадь к задней части крытой повозки.

— Кочо, — окликнул он. — Вот тебе компаньон.

Никакого ответа, лишь тяжелая барабанная дробь ливня. Если продержаться под этим дождем подольше, он, наверное, прорежет в моей плоти овраги, словно точащие камень реки.

— Кочо.

Повозка качнулась, полотняная завеса раздвинулась. Показалось лицо старика, вроде бы кисьянца, его кожа напоминала старый башмак.

— Хозяин?

Знахарь снова ухватил меня за рубаху и поднял с седла. Мне хотелось пнуть его, крикнуть, показать, что я ему не ребенок и не собака. Но прежде чем я успела придумать что-нибудь умное, он уже меня кинул, втолкнув в провал между шторками, и я вскрикнула, шлепнувшись на дощатый пол. Деревянный конец стрелы обломился, острое еще глубже вонзилось в ногу. Свет и тени слились, и я судорожно втянула воздух.

Телега со скрежетом покатила вперед, шелест бумаги перемешался со стуком дождя.

— Вот проклятый дождь, — проворчал старик. — А теперь еще ты, натащила воды и крови.

— Я не собиралась сюда все это тащить, — отгрызнулась я, когда боль притихла настолько, что я смогла говорить. — Отпусти меня, и я уйду. Заберу с собой и лужи воды, и кровь.

— Я тебя не держу.

Я приподнялась на локтях. Он сидел за маленьким столиком с той стороны, где возница. Перед ним громоздилась куча бумаг. Сверху на крюке качался фонарь, прицепленный к каркасу повозки. И ничто — совершенно ничто — не стояло между мной и свободой. Когда телега кренилась, шторки раскачивались, позволяя мельком видеть в бледном свете луны остающуюся позади дорогу.

— У тебя здесь тоже припрятан лук?

— Нет, — сказал старик. — Никогда особенно не умел обращаться с такими штуками.

Он перекладывал свои свитки и бумаги подальше от меня и от моих луж и не поднимал взгляд.

— Тогда что ты будешь делать, если я попробую убежать? — спросила я. — Просто звать того богочеловека?

— Я бы мог, но мне незачем себя утруждать. Он и так тебя слышит. Проклятье, куда же я положил Боззия?

— Слышит? Сквозь такой дождь?

— Ты сама попробуй, если не веришь.

Я надолго засмотрелась на льющийся дождь через щель между шторками. Разумеется, он меня не услышит, что бы ни говорил старик. Если вывалиться на дорогу и найти канаву, где спрятаться, то мне даже и бежать не придется.

— Слушай, — прервал мои мысли старик. — Собралась бежать, так беги. Нечего раздумывать попусту, только раздражаешь своим шумом.

— Тогда помоги мне сбежать.

— Нет.

— Почему? Я могу прикончить тебя одним пинком.

— Какой ногой? Где стрела или той, что без?

Он закончил складывать свои свитки, взял перо, чистый лист и начал царапать что-то на кирианском. Говорим мы с ними на одном языке, но я не понимала ни единого знака их письменности.

Я опять перевела взгляд на дыру.

«Мы застряли здесь, Касс. Смирись. Может, это и к лучшему».

— Вот, послушай свою подругу, — сказал старик. — Она умнее тебя.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что твоя компаньонка умнее тебя. Если бы ты ее больше слушала, может, и не валялась бы вся в крови рядом с моими бумагами.

— Что за компаньонка?

Продолжая писать, он свободной рукой постучал по своей голове.

Я напряглась как натянутая тетива лука.

— Откуда ты знаешь?

Старик протянул руку, из короткого рукава выглянуло запястье. В тусклом свете фонаря я увидела красноватый знак — изгибавшаяся змеей линия.

- Ты обжегся чем-то железным?
- Нет, я с этим родился.
- А что это?
- Если не знаешь, тебя ждет сюрприз.

Императрица Хана заставила меня показать запястье там, в Кое, и была удивлена, увидев, что оно чистое. Капитан Энеас тоже.

Старик снова положил руку на колени. Он, как и хозяин, заставлял меня безотчетно чувствовать себя в невыгодном положении, и не только из-за поврежденной ноги. Он знал что-то неизвестное мне, а его скучающий высокомерный тон раздражал так же, как и хозяйский.

— Почему тогда ты торчишь здесь, а не едешь в теплой сухой карете? — спросила я.

— Торчу здесь? — Он впервые оторвал взгляд от бумаг. — Я решил ехать здесь, чтобы не оставаться с тобой. А потом ты вылезла и вся промокла в воде и моче, а здоровье молодой госпожи, разумеется, куда важнее моего. Хозяин не мог допустить, чтобы она вымокла, простыла и умерла, потому что старому Кочо и приходится иметь дело с тобой. И подумать только, я едва не остался дома. Я уже становлюсь совсем старым, слишком дряхлым, чтобы разбираться с подобными приобретениями, хотя прочие в большинстве не такие грязные сквернословы. И это лишний раз доказывает, что внешнее не всегда соответствует внутреннему.

Он вернулся к своим бумагам, но слова старика меня больно задела, и я в него плюнула. Целила в лицо, но старик вспыхнул гневом, когда слюна шлепнулась на его бумагу. Я осталась вполне довольной. Не сказав ни слова, Кочо взял страницу за угол, поднял и уронил в лужу у моих ног. Дождевая вода поглотила ее, а старик обмакнул перо в чернила и начал новый лист.

«Касс, нам нужны не новые враги, а союзники».

Губы Кочо изогнулись в ухмылке, и он снова постучал рукой по голове.

«Если не можешь быть вежливой, дай мне с ним поговорить. Обещаю, что верну тебе тело, когда закончу. А ты отдохнешь от боли».

«Нет».

Я слишком хорошо помнила, каково это — быть пассажиром в собственной шкуре, и не спешила заново пережить тот опыт. Поэтому Она не начала спорить, требовать или пытаться взять контроль силой, я откашлялась и извлекла из глубин личину, которой уже много недель не пользовалась — Кассандру Мариус, лучшую шляху Женавы. Проще быть вежливой и почтительной, когда знаешь, что это игра.

— И куда же мы направляемся? — спросила я.

Уголки губ Кочо понимающе дернулись, и мне это не понравилось.

— Домой.

— А где дом? Твой хозяин, похоже, богат.

Кочо громко усмехнулся в ответ.

— И да и нет. Он ни в чем не нуждается, но это не то, что ты подразумеваешь под словом «богатый». А когда живешь в этом мире так долго, как я, понимаешь, насколько ничемны и глупы и почести, и золото. Вместо этого начинаешь мерить богатство мудростью и уважением.

Это звучало как цитата из священной книги, и потому я не стала спорить, просто сказала:

— Значит, дом не шикарный дворец. Только это не ответ на вопрос.

— Не ответ.

— И ты так и не скажешь, куда мы едем?

— Нет. Мы держим это в секрете. Слишком много людей не любят хозяина.

— Представить не могу почему.

Эта колкость пробила брешь в моем наигранном обаянии. Кочо искоса взглянул на меня.

— Он не Знахарь. Люди любят объяснять то, чего не понимают, страшными сказками.

— Он всадил в меня стрелу.

— Он же ее и вытащит. И зашьет тебя так, что даже шрам вряд ли останется — если мой хозяин и разбирается в чем-то, так это в телах. Не трогай стрелу, он все поправит, когда мы остановимся.

— А до тех пор я должна сидеть здесь и истекать кровью?

Кочо вздохнул.

— Не истечешь, если будешь сидеть смиренно.

— Кто знает.

— Точно не истечешь.

— А ты разве лекарь?

— Нет. Но хозяину ты нужна, а ему нравится, когда подопытные здоровы. Так что он уже поправил бы все, если бы думал, что тебе угрожает кровотечение.

Подопытные. Это мне не понравилось, и мой взгляд опять обратился к щели в задней части повозки.

«Не глупи. Сбежать не получится. И вообще, нам ведь нужен этот человек. Разве мы об этом не договаривались?»

«Нет тут никаких «мы», — огрызнулась я внутри собственной головы, содрогаясь в безмолвной ярости. — Это все твои попытки завладеть моим телом, вот что прежде всего привело нас сюда. И кто знает, что он на самом деле собирается с нами сделать».

«Все лучше, чем навечно застрять в твоей голове».

Я угрюмо глядела на скользящий по холщовой завесе свет качающегося фонаря. Это все из-за иеромонаха. Он вошел в мою жизнь, предложил мне спасение всего за одно убийство. Закончив работу, я должна была стать свободной от Нее и достаточно обеспеченной, чтобы отойти от дел. А вместо этого валяюсь раненая в телеге, все сильнее воняющей мочой. И со мной не только вечная компаньонка, но еще и ворчливый старик. В довершение всего, мы едем в никуда с богочеловеком и бессловесной сукой и нас будут колоть и резать, чтобы выяснить, как это работает, наверняка до моей смерти. По крайней мере, пока я сама не захочу умереть.

«Когда ты впадаешь в такое плаксивое настроение, то становишься ужасно тупой».

«О чем это ты?» — спросила я.

«Разве ты не слышала?»

Я закатила глаза. Терпеть не могу этот ее высокомерный тон, и Она это знает.

«Что такое, интересно, я не слышала?»

«Этот Кочо, он сказал, что ты нужна хозяину».

«Как предмет изучения».

«Да. Но зачем терпеть старую шлюху, любительницу сквернословить, готовую гадить на людей и плевать в их работу, если она не нужна? Есть же тысячи других, которых Знахарь мог подобрать. Но ему нужна ты. Нужны именно мы. Это преимущество может дать нам то, что мы хотим».

Я покосилась на Кочо. Он сказал, что мы нужны Знахарю. А еще — что его хозяин не позволит мне истечь кровью.

«Ну тогда давай проверим, какое у меня преимущество», — сказала я.

Я вцепилась в обломок древка стрелы, сердце заколотилось при одной мысли о том, что я намерена сделать.

«Нет, Касс, не надо...»

— Нет!

Кочо бросил перо, а я сжала пальцы и выдрала наконец стрелу. Плоть рвалась, я, казалось, слышала этот звук; раздираемые кожу и мышцы затопило болью. Все вокруг завертелось, вспышки света перед глазами сменила расплывающаяся темнота. Но я, опустив голову, боролась за то, чтобы остаться в сознании, сожаление горькой желчью подступало к горлу.

— Идиотка! — рявкнул Кочо сквозь шипение ругани, вытекавшей из моего рта, как из дырявых мехов. — Хозяин! Хозяин!

Голова кружилась, по рукам лилась кровь, но мне удалось рассмеяться.

— Полагаю, я все же важна.

ГЛАВА 4

Мико

Я прижимала к себе Хацукой, как младенца, оберегая лук от дождя, который безжалостно молотил, сдирая кожу. Высокий полог деревьев лишь собирал капли, они становились только тяжелее и с еще большей силой падали на наши и так вымокшие головы.

Примостившийся на соседней ветке генерал Китадо опустил плечи, напоминая мокрого черного дрозда.

— Непохоже, чтобы они оставили кого-то в городе, ваше величество, — сказал он, повысив голос в попытке перекрыть дождь. Тот грохотал по листьям барабанной дробью. — Кажется, они решили не разделяться.

Он хмуρο всматривался в прореху между деревьями — на дороге показался предводитель левантийцев, дистанция скрадывала его гигантский рост. Он нацепил боевой плащ императора Кина. Я сжала пальцы. Мне хотелось пустить стрелу ему в глаз, а потом выдернуть ее из трупа.

— Осторожней, ваше величество, — предупредил генерал Китадо, когда я переместилась на ветке. — Если убьете его сейчас, то императрицы Мико не станет, и некому будет сражаться за Кисию.

— Знаю. Но это не значит, что мне этого не хочется.

— Отсюда это все равно почти невозможно.

Я улыбнулась.

— Точно.

По меньшей мере пятьдесят шагов сквозь танец листьев под дождем и движущаяся цель. Это поколебало мою решимость, но я лишь крепче сжала Хацукой и задумалась, как бы поступил на моем месте отец.

Когда листва в очередной раз закрыла левантийца из вида, я немного расслабилась. У меня не хватило бы стрел, чтобы убить всех, но если бы моя жизнь не была так ценна для империи, то я с радостью уничтожила бы перед смертью как можно больше гнусных захватчиков. Однако моя жизнь много значила. Моя жизнь, имя и лицо. Я была последней из рода Отако, и Кисия нуждалась во мне. Живой.

Сквозь прореху в листве стали видны другие левантийцы. Еще несколько человек щеголяли в отяжелевших от дождя алых плащах, а остальные выглядели так же, как во время сражения, только мокрые и грязные. Волы, которых левантийцы явно не привели с собой, тянули телеги с накрытой поклажей. И еще в караване были паланкины. Изпод полога мелькали алые и золотые шелка, а носильщики

были в тяжелых дождевиках с вышитыми золотыми драконами Ц'ая на спинах.

— Неужели чилтейцы совсем нас не уважают, раз отдают все это в качестве военных трофеев? — прошипела я, указав на разодетых в шелка левантийцев.

— Не могу знать, ваше величество, но выглядит именно так.

— Почему они уходят? Их что, отпустили со службы?

Генерал Китадо поерзал. От этого ветка задрожала, но под дождем звук все равно невозможно было услышать.

— Возможно, они уходят, потому что чилтейцы мало им заплатили. Или потому что дождь вредит их лошадям. Лучше забрать награбленное и уйти.

— Наемники, — выплюнула я. — Не имеют представления о чести и верности.

— Пусть уж лучше уходят. С чилтейцами мы драться умеем.

Я ворчливо согласилась, и некоторое время мы наблюдали за караваном молча. Гроза оттремела еще ночью, но ливень и не думал прекращаться. Я часто наблюдала, как подобные бури обрушивали свою ярость на дворец, и, хотя страшилась изоляции, которую они приносили, они никогда не доставляли неудобств. Генерал Рёдзи по моей просьбе ставил мишень для стрельбы из лука в помещении, а если мне хотелось покататься верхом, я могла дожидаться кратких перерывов в дожде. Теперь же я оказалась во власти стихии, без укрытия, даже без дождевика, без тепла и пищи — у меня были только меч, и лук, и стоическое общество генерала Китадо.

— Так, значит, чилтейцы захватили Мейлян, — сказала я, когда орда левантийцев прошла мимо. — И даже без левантийцев в их руках огромный кусок империи. Нам нужен план. И союзники.

— Министр Мансин говорил, что я должен отвезти вас на юг, ваше величество. Или в Сян.

Я покусала губу и уставилась в пространство.

— Куда именно на юг? К кому? Как мы можем быть уверены, что эти люди не поклялись в верности Дзаю?

— Значит, в Сян.

Светлейшего Бахайна ждали в Рисяне. Надеялись, что он успеет в Мейлян. А он так и не появился. На смертном одре Кин говорил, что светлейший Бахайн был верным министром, прежде чем стал герцогом Сяна. «Нужно напомнить ему об этом. Ты должна помочь ему и его сыну об этом вспомнить».

Я все жевала губу, потягивая потрескавшуюся кожу.

— Возможно.

Эдо всегда делился новостями из дома в тех редких случаях, когда ему писал отец, и ни один человек, знающий, как светлейший Бахайн относится к чилтейцам и пиратам, в особенности к чилтейским пиратам, никогда не поверит, что он мог заключить союз с чилтейцами. Но почему же он не пришел нам на подмогу? Почему Эдо так и не ответил на письмо?

— В любом случае нужно принять решение, — сказал Китадо. — Здесь оставаться нельзя, ваше величество. Чилтейцы уже вас ищут.

Чилтейцы не знают о туннеле, но как только тщетно перероют весь город и не найдут меня, то начнут охоту за его стенами и наверняка задумаются, как сейчас я, где я могу укрыться.

— Быть может, сейчас будет безопаснее где-нибудь зайти, ваше величество, — сказал Китадо, не дождавшись ответа. — Куда бы мы ни поехали, на дорогах опасно.

— Тут уж ничего не поделаешь. Моя задача — защищать Кисию, а для этого я должна найти союзников.

— А моя задача — защищать вас, ваше величество, но у меня ничего не получится, если вы не будете прислушиваться к моим советам.

Он отвел взгляд. Я ведь императрица, и ему не положено смотреть мне в глаза даже в таком затруднительном положении.

— Хотелось бы мне послать вас к дьяволу со всеми вашими прекрасными советами, пусть я и знаю, что вы правы, — сказала я. — Если бы мы только могли выяснить, кто из наших генералов жив и какие батальоны уцелели. Нам

нужны эти сведения, мы не можем просто торчать тут, на краю топей.

Он не ответил, позволив тяжелой дробью дождя высказаться о безнадежности нашего положения, поскольку сам генерал не мог это произнести.

Последний левантиец давно скрылся из вида, и я начала спуск с дерева. Медленно, стараясь покрепче уцепиться за скользкие ветки, пока вокруг все так же лил дождь, а капли прибывали ко лбу выбившиеся пряди и проникали за шиворот. Без обернутого в краденый плащ Хацукоя было бы легче, но я часто переключивала его из одной руки в другую. Китадо не жаловался, хотя ему пришлось замедлить спуск, чтобы подождать меня.

Наконец мои ноги коснулись земли, и я разворошила листья, скрывающие наши припасы. У корней дерева мы оставили единственный бурдюк с водой, немного вяленого мяса, уже давно не сухого, и пару одеял, связанных в импровизированный заплечный мешок, который Китадо нес на спине. Они промокли насквозь, и меня не грела мысль о том, что придется спать под сырым одеялом и на влажных листьях вместо подушки. В прошлую ночь я почти не спала, хотя дождя не было. Китадо настоял, чтобы я отдохнула, пока он стоит на страже, но я лишь слегка вздремнула, взамен получив ноющую шею. Прошло всего три дня с тех пор, как мы улизнули из Мейяна через туннель, а я уже чувствовала себя настоящей развалиной, как будто меня держит в целости лишь потрепанная веревка.

Глухой стук возвестил о приземлении Китадо. Он поправил перевязь с мечом и собрался расправить плащ, но его рука застыла в воздухе. Мы бросили свою императорскую одежду, когда протискивались сквозь лисью нору в конце туннеля, с северного берега реки Цыцы.

— Если и остались какие-то разрозненные батальоны, то они должны быть на севере, — сказала я, пока Китадо прилаживал мокрые одеяла вместо плаща. — А чилтейцы не ждут, что мы пойдем в том направлении.

— Не ждут, потому что это слишком рискованно, ваше величество. Основные силы чилтейцев, вероятно, в Мейля-

не, но по дороге к границе остались небольшие полевые лагеря, так обычно поступают чилтейцы. И они не просто отправили на ваши поиски один отряд, вас ищут повсюду.

— Ладно, тогда не на север, но прятаться я не буду.

Он поморщился.

— Можно с тем же успехом пойти на восток, в Сян. Где-то там должны быть восточные батальоны.

Я глубоко вздохнула. Мне был ненавистен зуд тревоги, охватывающий меня всякий раз, когда я думала о светлейшем Бахайне. Он с радостью встретился со мной в Кое, но то было до смерти Танаки, до того, как чилтейцы перешли границу вместе со своими наемниками-варварами, прежде чем все, что я знала и за что боролась, пошло прахом. Но Китадо был прав. Батальоны все еще где-то там.

— Значит, пойдем в Сян, — сказала я. — Мы можем воспользоваться рекой?

— Слишком рискованно так высоко по течению, но восточнее Циляня это возможно, и получится быстрее, чем пешком.

— А в Циляне мы даже можем узнать новости из Когахейры.

— Да, и если светлейший Бахайн вышел из Сяна, то наверняка двинулся в том направлении. Мангровые заросли у реки слишком густы для большого пешего войска.

Я сжала губы в мрачной улыбке.

— Я рада, что хоть в чем-то вы со мной согласились, генерал.

Он пожал плечом, не отягощенным мокрыми одеялами.

— Я могу вам и возразить иногда, ваше величество.

Он пошел впереди меня с рукой на рукояти меча и постоянно вертел головой под ливнем, не снижая бдительности. Его чуткие зрение и слух не единожды спасли нас от трясины, когда мы огибали край болот Ниви, хотя трудно сказать, могли ли бы мы встретить на этом пути хоть кого-нибудь — врагов, союзников или бандитов. Топи Ниви всегда были белым пятном на карте империи, болотистая почва и заросли отвергали все попытки что-то построить, однако рядом с ними селились те, кто по той или иной причине

желал ускользнуть от внимания императора. Дожди вытеснили многих обитателей болот на возвышенности, и для нас это было еще одной причиной не задерживаться здесь надолго.

Я следовала за генералом Китадо на небольшом расстоянии, обдумывая наше положение и внимательно глядя по сторонам. Дождь затруднял обзор, скрывая пейзаж туманной завесой, а нескончаемая барабанная дробь заглушала почти все звуки. Я даже не могла толком понять, куда мы идем. Все вокруг смешалось, край топей зарос высокими корявыми деревьями, увитыми лианами, которые стелились по тропе, заставляя неосторожного путника спотыкаться. Я как раз выпутывалась из шипастых ветвей, когда заметила слева дорогу. Похоже, по ней совсем недавно проскакали левантийцы.

Я остановилась. Генерал Китадо сделал несколько шагов и обернулся, наполовину выгасив меч из ножен.

— Мы идем на юг, — сказала я. Он засунул меч обратно и почтительно поклонился. — Я думала, мы направляемся в Сян.

Он поправил одеяла на плече.

— Именно так, ваше величество, но пусть лучше нас отделяет несколько часов пути от левантийцев, которые пошли на север. Лучше пересечь дорогу Ив ближе к Цыцы, и тогда мы сможем скрытно двигаться в мангровых зарослях у реки.

— И вы не сказали мне об этом, потому что я слишком нетерпелива и проигнорировала бы ваш совет?

Генерал снова пожал одним плечом и, заметив мою кривую усмешку, тоже позволил себе улыбнуться.

— Что-то в таком духе, ваше величество.

— Ладно, пройдем на юг еще немного, но тогда хватит бояться пересечь дорогу, давайте это сделаем.

Генерал Китадо резко кивнул, безрадостно улыбнулся и снова зашагал на юг. Туннель из Мейляна вывел нас дальше на север, чем я рассчитывала. Мы отдохнули в его темноте и, прищурившись, вышли на свет нового дня — нет, нового мира. Я не могла отделаться от мысли, что все это сон, и

если мы вернемся в Мейлян, то город будет жить обычной жизнью, и никаких завоевателей-чилтейцев поблизости. Но мои ладони были покрыты царапинами — я расчищала проход у выхода из туннеля, а стоило закрыть глаза, и в темноте меня обступали горожане, бормоча молитвы. Мы сражались и проиграли, но я не сдамся, даже если придется воевать в одиночестве.

Такая вероятность беспокоила меня гораздо сильнее, чем я могла признаться генералу Китадо. Принц Дзай со своими тремя батальонами и кровью истинного Ц'ая легко найдет поддержку на юге. Возможно, он уже собирается атаковать завоевателей и одерживает победу там, где я потерпела неудачу. Без союзников я ни на что не способна и ничего не достигну, лучше бы я с честью погибла, защищая свой город, чем буду бесславно угасать, беспомощная и одинокая.

Генерал Китадо остановился, прервав мои глупые мысли. Мы подошли к обочине дороги, и, судя по двойной колее, здесь часто проезжали экипажи. Колеи были немногим лучше топких глинистых луж, но свежие отпечатки копыт еще не успели расплыться.

Генерал присел и предупреждающе поднял руку, рассматривая следы.

— Две лошади, — объявил он. — Не так давно проскакали на запад.

— Две? Вы уверены?

Он кивнул.

— Одни копыта подкованы, а другие нет.

— Не подкованы? В такую-то погоду?

— Возможно, левантийская лошадь, хотя маловероятно, что они отважатся забраться в болота. Может, просто неподготовленный к сезону дождей кисианец.

Я всмотрелась в мокрый лес, но увидела только листву, стволы и бесконечный дождь, который уже превратил мою одежду в насмешку. Она прилипла к коже и душила, я так замерзла, что на мгновение мне даже захотелось все с себя снять. Я все бы отдала, чтобы очутиться в тепле и сухости, а ведь, возможно, не будь я такой решительной и честолю-

бивой, не следуя я своему предназначению, то сейчас жила бы себе в Чилтее, женой Лео Виллиуса. В уюте и безопасности. А Кисия осталась бы неразделенной.

— Возможно, это следы чилтейского патруля, — сказал генерал Китадо, обводя след копыта пальцем. — С другой стороны, это могут быть и кисианские разведчики. Если светлейший Бахайн знает, что вас не схватили в Мейляне, он тоже может нас искать.

— Возможно, это и пустяк, но стоит проверить, — сказала я, когда надежда на встречу с потенциальными союзниками перевесила страхи. — Их двое, и нас двое, к тому же на нашей стороне элемент неожиданности.

Он согласился, опять пожав одним плечом, и я пошла по тракту. Очень скоро из туманной завесы бури проступили контуры дома, словно притаившегося под дождем животного.

— Наверное, торговец шкурами, — предположил Китадо. — Или дровосек.

Внезапные крики вынудили нас замереть, и генерал Китадо выставил вперед руку, словно пытаясь оградить от натиска невидимых врагов.

— Беда, — сказал он, не сводя взгляда с дома. — Нужно уходить.

— Беда?

Я отвела его руку и сделала несколько шагов вперед, прищурившись на проступающие сквозь ливень тени. Еще несколько шагов, и в тумане возникли серые расплывчатые фигуры, а вместе с ними и третья — крупная беспокойная лошадь, несущая какой-то массивный груз.

Крики были неразборчивыми, я различила только панику и ускорила шаг.

— Ваше величество! — шикнул Китадо и бросился ко мне. — Это могут быть враги. Или...

— Или кисианцы, которым нужна помощь, — ответила я, вспоминая толпу людей, смотрящих на меня как на спасительницу, и я всех их подвела. — Если я не могу помочь своим подданным, то какой от меня прок?

- Ваше величество, это неразумно.
- Неразумно называть меня «ваше величество».

По мере нашего приближения серые силуэты постепенно становились более четкими. Две фигуры превратились в три, одна вытянутая рука оказалась мечом, другая — топором, а неразборчивое бормотание — мольбами на чилтейском.

- Я не собираюсь красть твое золото, приятель...
- Назад, гнусное отродье!
- Мне нужна твоя помощь, я...
- Помочь тебе, чтобы ты напал, стоит мне повернуться спиной?

Я вытащила Хацукой из-под шерстяного плаща и бросилась вперед, а Китадо раздраженно фыркнул и последовал за мной. С брызгами шлепая по лужам, я сняла налучье и положила стрелу на тетиву.

- Стоять! — выкрикнула я.

От неожиданности все замерли, взирая на меня. Перед дверью стояли два кирианца, мужчина и женщина, вооруженные топором и палкой. Их противник, как ни странно, оказался не чилтейцем, а скорее юным левантийцем, к его спине прилипли длинные черные волосы. В нескольких шагах позади него трясли гривами две беспокойные лошади. Одна — небольшая, под кирианским седлом с драконом Ц'ая, а вторая — огромная, и поперек седла лежал мешком второй мужчина.

Те трое, что находились в сознании, подняли руки, увидев мой лук, из которого я попеременно целилась в каждого из них и в конце концов остановилась на длинноволосом левантийце.

- Что здесь происходит?
- Этот варвар хотел нас ограбить...
- Нет! Я...
- Ты угрожал нам саблей!

— Только когда ты чуть не снес мне голову топором! — Юноша повернулся ко мне, сложив руки в мольбе. — Прощу вас! Я знаю, вы считаете меня врагом, но я не хочу враждовать. Моему другу нужна помощь. Он ранен. Он потерял много крови, и я боюсь, что долго он не протянет.

Не сводя глаз с левантийца, я кивнула Китадо.

— Проверьте, правду ли он говорит.

— Клянусь! Мне нужны только кров и помощь! Если вы меня отпустите, я поищу их где-нибудь еще.

— Твой друг может этого не пережить, — сказал Китадо, осматривая лежащего без сознания левантийца. — Возможно, и сейчас уже слишком поздно.

Молодой человек упал на колени, несмотря на топор, маячивший угрожающе близко. Я облизала губы. Китадо был прав, идти сюда было не только опасно, но и бесполезной тратой времени — сыграть в спасителя для пары крестьян, которым ничто не грозило от почти мертвого левантийца и его расстроенного товарища.

Я раздраженно опустила лук — только зазря его намочила. Сейчас мы могли бы уже быть на полмили ближе к реке, а оказались в полумиле дальше от дороги.

— Лучше попрощайся со своим другом и догоняй своих товарищей, — сказала я. — Мы видели их не так давно, они идут на север, к границе.

Юноша вскинул голову, на его лице застыла печаль.

— К границе?

— Ну да, этим путем покидают Кисию.

Он нахмурился, взгляд потух.

— Покидают? Они не покидают. — Его брови опустились еще сильнее. — Кто вы?

— Я могу задать тот же вопрос левантийскому наемнику, который говорит по-чилтейски.

Мой вопрос не отвлек его от темы, и он оглядел меня с головы до пят таким пристальным взглядом, на который не решился бы ни один самый смелый придворный.

— Ты сказал, что они не покидают Кисию, — вмешался генерал Китадо, отходя от раненого. — Если они не уходят, тогда как это понять? Чилтейцы дали им... дали вам новые приказы?

Молодой человек перевел взгляд с меня на Китадо и обратно, немного расслабив сжатые челюсти.

— Ну и? — спросила я, не дождавшись ответа. — Тебе задали вопрос. С твоей стороны разумнее на него ответить. Нас больше.

— Нет.

— Нет? — Я снова подняла Хацукой и натянула тетиву. — Может, все-таки попробуешь ответить?

Длинноволосый левантиец расправил плечи и установился прямо на стрелу, словно приглашая ее проткнуть его.

— Нет, — повторил он. — Если вы хотите получить ответы, то должны мне помочь. Помогите моему другу.

Моя стрела не дрогнула, когда я посмотрела на Китадо. Тот нахмурился.

— Откуда нам знать, что твои ответы стоят потраченного времени?

— Еще как стоят. А еще больше стоят его слова. — Он указал на перекинутого через седло левантийца. Дождь стекал по его вялым пальцам и мыскам сапог. — Этот человек — Рах э'Торин, собрат по гурту Гидеона э'Торина, нового императора Кисии.

Стрела выпала из моей руки, тетива ослабла, а челюсть отвисла. Наверное, я ослышалась.

— Что?! — охнул стоящий рядом со мной Китадо.

— Так вы ему поможете?

— Помочь тебе его похоронить?

Юноша упрямо вздернул подбородок, а стоящие в двери крестьянин с женой что-то быстро зашептали. Я чувствовала на себе взгляд Китадо, но не могла повернуться, не сводя глаз с молодого левантийца и пытаюсь найти в его лице хоть один намек на то, что он врет.

— Ваше ве... — Китадо откашлялся. — Как мне с ним поступить? Я могу заставить его ответить, если...

Юноша обернулся.

— Вы не сможете сделать хуже того, что со мной уже сделали, — выплюнул он. — Единственный способ получить ответы — это спасти моего друга.

Я посмотрела на раненого левантийца. Брат императора? Перемены в положении дел настолько резкие, что было жизненно важно получить объяснения, но оставаться здесь и помогать значило потерять много времени, а этого я не могла себе позволить.

Опустив Хацукой, я подозвала генерала, и он подошел ближе и наклонил ко мне голову.

— Нужно разузнать все, что получится. Боюсь, на кону стоит гораздо больше, чем мы думаем.

— Согласен, ваше величество, — пробормотал он мне на ухо. — Но я не уверен, что им можно доверять. Они же левантийцы.

Я снова посмотрела на молодого человека, который кусал губы и скрестил руки на груди. Его позабытая сабля валялась в грязи. Но дровосек и его жена все равно с опаской косились на левантийца. Впрочем, Хацукой наводил на них не меньше страха, чем варвар. За их спинами в хижине приветливо мерцал огонек, обещая убежище. Сухость. Там будет еда и циновка для сна, которая не хлопает от воды.

— А придется, — ответила я. — Хотя вряд ли они с легкостью нас примут. Скажите этим людям, что вы дворянин, а я ваша дочь. Я боюсь сказать правду даже своим подданным.

— Как пожелаете, ваше величество.

— Договоритесь с ними о ночлеге. А я взгляну, что с раненым.

Генерал уже собирался поклониться, но вовремя остановился и ограничился кивком, а потом подошел к дровосеку, раскинув руки в приветствии. Мне не нравился пристальный взгляд этого человека, я подобрала стрелу и накинула на Хацукой шерстяной плащ.

Огромный левантийский конь отпрыгнул в сторону, когда я приблизилась к нему, но не встал на дыбы и не взбрыкнул. Я похлопала его по загривку.

— Хороший мальчик, — сказала я. — Я взгляну на твою ношу, а ты стой спокойно, хорошо?

Перекинутый через седло мужчина был больше похож на левантийца, чем его спутник, — волосы сбриты, а на затылке бледный шрам в форме лошади и луны. Правда, в отличие от второго, он был одет по-кисиански, в смесь стандартной военной формы и более изысканного облачения императорской гвардии. Ни один предмет одежды не был ему впору, и все промокло насквозь.

— Он ранен в ногу.

Я дотронулась до своего кинжала, но не вытащила его, и юный левантиец отступил, примирительно подняв руки.

— Я не хотел тебя напугать. Ты можешь ему помочь?

— Зависит оттого, в чем он нуждается, — ответила я, не сумев ответить прямо и честно. — Сначала нужно устроить его поудобнее и выяснить, в чем дело.

— Его пырнули в бедро. Думаю, он потерял много крови, но и с самого начала он был не в лучшей форме.

К счастью, Китадо присоединился к нам, и мне не пришлось отвечать.

— Они согласны впустить нас в амбар и старый дом, но сказали, что там немного течет крыша. В сарае есть дрова, а в подвале мясо. Но это все. Они добавили, что лето выдалось тяжелым. Я заплатил им сполна.

— Ничего, это нам подойдет, — сказала я. — Попросите их показать дорогу.

— Да, ваш... — И снова генерал Китадо осекся, закашлялся и ушел разбираться с гостеприимными хозяевами.

Усадьба дровосека состояла из нескольких приземистых домишек и навесов, двор был усеян щепками и стружкой. Под группой деревьев топталась пара буйволов, а ближе к дому в загонах находились две свиньи и неряшливые куры, дождь частично попадал на них, даже несмотря на скошенную крышу. С другой стороны двора стояли амбар и второй дом, предоставленные стихии.

— Сюда, — сказал дровосек, натягивая капюшон, и побежал дальше. Он уважительно кивнул мне, но подозрительно покосился на левантийца, ведущего следом за нами обеих лошадей. Мы быстро пересекли двор и оказались у самого дальнего дома.

— А вон там — амбар, — указал дровосек на соседнее строение. — Зимой мы потеряли лошадь, но ваши будут там в сухости. А здесь, — он распахнул тонкую деревянную дверь, которая возмущенно закрипела в ответ, — наш старый дом. Им не пользовались со дня смерти моей матушки, но он в вашем распоряжении.

Я вошла первой, нырнув под рукой дровосека. Дом был сырой и маленький, всего пара комнат, меньшая была от-

делена от большей поеденной молью занавеской. Но, не считая пары капель с крыши, там было сухо, а очаг выглядел крепким и надежным, что неудивительно в доме дровосека.

— Я пришло жену с едой и одеялами, господин, — сказал дровосек генералу Китадо, когда тот подошел ближе. — Можете принести дров из сарая и пользуйтесь всем, что найдете во дворе. В буфете еще сохранилась кое-какая матушкина посуда. А я принесу... лопаты и... ну, на всякий случай, если он... сами понимаете.

Он осекся, когда по лестнице поднялся молодой левантиец.

— Спасибо, — сказал генерал Китадо. — Ваша щедрость будет вознаграждена.

Лицо лесоруба под капюшоном стало пунцовым.

— Всего лишь старое доброе гостеприимство, господин, — сказал он и вышел, что-то неразборчиво бормоча себе под нос.

Мы остались в сомнительном уюте домишка.

— Ладно, — сказала я, когда он удалился. — Принесите раненого левантийца и положите его на пол, чтобы я осмотрела его раны, а потом вы, Китадо, пойдете за дровами, а ты... — я посмотрела на длинноволосого левантийца, — отведи лошадей в амбар и позаботься о них.

Молодой человек поколебался, не понимая, стоит ли спорить, но Китадо прошел мимо него со словами «Давай, парень», и левантиец последовал за старым воякой.

Я обследовала дом и выяснила, что в нем мало полезного. В отделенной занавеской комнатухе была лишь одна скатанная циновка для сна и проеденный жучком низкий старый столик. Маленькое гнездо из сена в углу подтвердило мои подозрения о мышах, но я даже не поежилась — на это просто не было времени. Топот и сопение из главной комнаты возвестили о возвращении Китадо и молодого левантийца, несущего своего раненого друга. Как бы ни был силен Китадо, раненый был таким высоким и мускулистым, что у лестницы генерал с юным левантийцем сдались, положили свою ношу и потащили его волоком. Когда ране-

ный наконец оказался на полу в доме, оба вздохнули с облегчением.

— Дрова, лошади. Ступайте, — велела я. — Я им займусь.

Молодой человек бросил на меня недоуменный взгляд, но вышел обратно под дождь. Несмотря на уверенность, которую я вложила в слова, мне не сразу удалось заставить себя осмотреть раны левантийца. Я пошарила в буфете и единственном сундуке и вытащила все, что могло пригодиться. Я подставила по горшку под каждую протечку и бросила на пол пыльное одеяло, до последнего надеясь, что когда я наконец обернусь, левантиец уже умрет. Будет выглядеть так, как будто мы попытались, юноша расскажет все, что требуется, и мы продолжим путь.

Прежде чем вернулись генерал Китадо и молодой левантиец, пришла жена лесоруба с одеялами и припасами, завернутыми в мокрый дождевик, который она повесила на крючок у открытой двери.

— Спасибо, — сказала я, но она лишь поклонилась — один раз, второй и третий, пятясь к двери, но так и не произнесла ни слова.

Одеяла, старые платья, небольшой швейный набор, травы, чай, еда, даже несколько изумительно сухих палочек с благовониями и потрепанный свиток с молитвами богине Ци. Похоже, она тоже не сильно надеялась на успех.

Левантиец застонал. Тогда я подошла к нему — лежащему на полу окровавленному и вымокшему месиву вместо чловека, его на удивление тонкие черты лица исказились в мучительной гримасе боли. Он не умер, хотя так было бы гораздо проще для всех нас. Пусть бы он сдался и отправился на свободу загробной жизни, если левантийцы в нее верили. Но нет, он боролся, и это как минимум вызывало уважение.

Дождь омыл его рану, лишь ткань вокруг была пропитана кровью. Над раной нога была крепко перетянута алым поясом-оби, остановившим кровопотерю, и на шелке вставал на дыбы дракон Ц'ая. Рах э'Торин, брат по гурту Гидеона э'Торина, нового императора Кисии.

Я разорвала ткань, чтобы лучше рассмотреть рану. Кто-то проткнул его бедро чем-то тонким и острым вроде шам-

пура, и рана была чистой, но от нее шел длинный и неглубокий порез. Видимо, левантиец потерял много крови, однако сама по себе рана не могла стать причиной такой слабости, почти на грани смерти.

Когда вернулся Китадо с вязанкой дров, я глубоко вздохнула.

— Как только разведете огонь, поищите вина для раны, — сказала я.

— Вина? — удивился молодой левантиец, стоящий в дверях. — Нужна теплая соленая вода. И тряпки. Разведите огонь и согрейте воду. Здесь есть иголки и кишки?

— Кишки?

— Чтобы зашить рану, — ответил он, нетерпеливо шагнул в комнату и уставился на кучку припасов, которые принесла жена дровосека. Он взял оттуда набор для шитья. — Хм, хорошо хоть есть игла, эта нитка сойдет. Кто-нибудь из вас умеет шить? Я... — Он отвернулся. — Я еще не научился.

Китадо что-то проворчал, явно пытаясь найти отговорку, и я выхватила швейный набор из рук юного левантийца.

— Дай сюда. Я этим займусь. — Я раздраженно выдохнула. — Кто бы мог подумать, что однажды я пожалею о своей невнимательности на уроках шитья госпожи Йи.

ГЛАВА 5

Рах

Гидеон протянул мне миску, ее содержимое скрывала тень. Что-то было не так, я не мог уловить, что именно, но его лицо, тело и одежда больше не сочетались.

— Хорошо, что ты вернулся.

И голос у него был слишком громкий, но мои мысли кричали громче.

— Да, я рад вернуться, — сказал я, слова казались шепотом по сравнению с ревом в голове. — Я скучал по тебе. Скучал по этому, — я указал на гурт, собравшийся на вечернюю трапезу.

— Скучал так сильно, что хотел уйти и быть сам по себе?

Его взгляд был пронизательным, но мягким. Всегда мягким.

— Нет, я просто...

— Полагаю, снова привыкать трудно. Хочешь поговорить об этом?

Я закрыл глаза, чтобы не пролить нежеланных слез. Кто я такой, чтобы он так заботился обо мне? Каких бы ребяческих обещаний он ни давал моей матери, сейчас он был Клинком, а я — даже не седельный мальчишка, всего лишь жалкий неудачник в глазах многих. Мальчишка, которому никогда не стать заклинателем лошадей, позор рода Торин.

Мне на плечи легла его тяжелая рука, он был рядом — теплый, сильный, пахнувший соленой водой.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Рах, и ты не такой. Ты не обуза и не неудачник. Тебе нечего стыдиться. Путь заклинателя лошадей труден. Не каждый может его пройти. Ты сделал все, что мог.

— Нет.

— В каком смысле?

Он не отошел и не убрал руку, и, не успев толком подумать, я уже изливал свою правду в созданное им безопасное пространство. Я рассказал ему о наставлениях, правилах и ожиданиях, о беспрекословном послушании, притворстве и бесконечной сокрушающей тишине. Я должен был гордиться возможностью послужить своему народу, принести славу своему гурту, но каждый день терял частичку себя и каждый день мечтал стать свободным, бросить все и сбежать, какой бы позор и груз ни навлекло это на мою душу. И однажды я так и сделал. Все решили, что меня отослали обратно за то, что я не справился, но я просто сбежал. Ушел, не оглядываясь.

И теперь стыд оттого, как сильно я подвел себя, свой гурт и свой народ, давил на меня как гора.

Когда я закончил, Гидеон сомкнул руки и держал меня, пока я плакал, положив голову мне на плечо. Он не сбежал

от такого груза, в отличие от меня, ни тогда, ни позже. Никогда.

Песню, которую он тихонько напевал мне на ухо, нарушил треск. Он становился все громче, поглотив сначала голос Гидеона, а затем и его самого, оставив лишь его тепло и память о его прикосновении.

По телу кулаками ударила боль. Мелькнул и пропал запах мокрой шкуры Дзиньзо, а стук дождя был бесконечен. К знакомому голосу где-то над головой присоединились другие. Комната кружилась. Плоть пронзила острая боль, и я вскрикнул, звук был такой же живой, как бречание мертвых костей.

Голос что-то выкрикнул, но я не понимал слов. Пол под моей головой затрясся от шагов, и появилось лицо. Знакомое лицо, которому принадлежал знакомый голос.

— Тор?

Я прервал его имя вскриком, когда пронзительная боль вернулась, заставив меня дернуться.

Снова непонятные слова, быстрые и злые, и лишь рука Тора удержала меня от попытки встать.

— Не двигайся, — сказал он. — Девчонка тебя зашивает.

— Девчонка? — прохрипел я и облизал пересохшие губы, глядя ему в глаза и пытаясь хоть что-то понять. — Зачем?

Тор огляделся. Я видел только его лицо.

— Сетт распорол тебе ногу пробойником, — сказал он, понизив голос до уровня шипения гаснущих углей. — Ты что, не помнишь?

Его слова разорвали темноту, как завесу, открыв мне комнату. Маленькую комнату, освещенную дымящимся очагом и свечами. Слабый свет сочился в открытую дверь, за которой водопадом хлестал дождь. Капли воды с протекающей крыши стекали в горшки, от влажности было трудно дышать. У огня сушилась одежда. Одеядло под моей головой пахло плесенью. Все пространство вокруг заполняли связки сушеных трав, миски, иглы и нитки. И девчонка. Нет, слишком высокая и хорошо сложенная для девчонки, скорее молодая женщина, ровесница Тора. Она склонилась над

работой, из пучка на затылке выбилось несколько мокрых темных прядей. Остановившись с иглой и ниткой в руке, она посмотрела на Тора и что-то сказала на кирианском.

— Что она говорит? — просипел я.

— Хочет знать, можно ли продолжать шить или ты свалишься в обморок прямо на нее.

Я встретился с ее острым, оценивающим взглядом. Ни жалости, ни извинений. Жесткость ее лица лишь усиливалась нетерпением.

— Скажи, пусть продолжает, — сказал я, ненавидя свое сухое карканье. — Левантийцы терпеливы.

Тор повторил мои слова, и верхняя губа женщины скептически изогнулась. Но все же она обратила взгляд ясных глаз к работе и снова воткнула иглу мне в ногу. Я заскрипел зубами, сжав кулаки, и уставился на отблески света на потолке. Ощущения не были для меня новыми, но Йитти всегда облегчал их болтовней, старыми историями, едой, выпивкой и хорошей компанией.

Тор присел рядом со мной как зверь, готовый к бегству.

— Прости, что пришлось принять помощь этих людей, — сказал он. — У меня не было выбора.

— Кто они?

Я не повернул головы, чтобы снова посмотреть на нее, но видел молодую кирианку боковым зрением. А шаги позади меня означали, что в комнате есть как минимум еще один человек, а может, и больше.

— Они были одеты как солдаты, — ответил Тор, опасно покосившись на женщину. — И хорошо вооружены, но не думаю, что они те, за кого себя выдают. Крестьяне, хозяева дома, много им кланялись, так что, возможно, этот человек какой-то вельможа.

Я вздрогнул от мерзкого ощущения, когда нить стянула кожу.

— А где мы? — спросил я, стараясь отвлечься от боли в ноге, как будто врезающейся в кость.

— Не знаю, — скривился Тор. — Я нашел тебя у дороги и был уверен, что Сетт отправит за мной Клинков, поэтому просто скакал вперед. — Он выдавил неуверенный

смешок. — Проклятье, эти кисианские кони — просто неразумные твари.

— А Дзиньзо?

— В сарае. С ним все в порядке. Я даже вычистил его и дал сухого сена.

Другие вопросы застряли у меня в глотке, я не мог выговорить их, поскольку боялся ответов. Опустилась напряженная, хрупкая тишина. Лишь ритмичные уколы иглы нарушали нить моих размышлений, принося облегчение, хотя из-за них в животе все сжималось.

Позади меня раздался низкий голос. Снова кисианский. Молодая женщина ответила, не поднимая глаз. Тор переводил взгляд с одного из них на другого, слушая разговор, затем, увидев озадаченность на моем лице, сказал:

— Они говорят о тебе. Она считает, что ты можешь все-таки выжить, а он предостерегает от излишнего оптимизма. Говорит, такие раны могут загноиться.

Женщина завершила разговор, пожав плечами, и Тор перевел ее последние слова только после моего напоминания.

— Она говорит, что тогда это будет еще более пустая трата ниток, чем... не уверен, что правильно понял слово, нас не учили ничему такому, но, кажется, она говорит о... — он сделал неопределенный жест, будто шьет, — о подушках? О картинах, вышитых на подушках. Вроде наших вышитых попон.

Все молчали, пока она не затянула нитку в последний раз и перекусила ее.

— Можешь сесть? — перевел Тор, когда она впервые заговорила со мной. Молодая женщина поджала губы в ожидании ответа, и мне никогда так не хотелось знать их язык, как перед лицом такой нетерпеливости. — Она говорит, что так будет легче перевязать рану. И здесь есть вода. И мясо. И рис, если ты готов поесть.

Тор предложил мне руку, но я отказался. Я сел, опираясь на дрожащие руки, и комната снова закружилась. Девушка быстро убрала что-то, что я едва не перевернул, но ничего не сказала, только цокнула языком. Ее спутник, кисианец средних лет с покрытым шрамами ничего не выражаю-

щим лицом, передал ей пучок длинных льняных лоскутков, только что оторванных, если судить по неровным краям. Он заметил мой вопросительный взгляд, но тоже ничего не сказал и вскоре вернулся к своим делам у огня.

— Это кисианцы, — сказал я, наконец решившись высказать то, что так меня беспокоило. — Мы убивали, жгли и завоевывали их земли, захватили их столицу. Зачем они нам помогают?

Тор протянул мне глиняную кружку, расписанную мелкими цветами. Я отхлебнул, боясь раздавить ее — руки внезапно показались слишком большими.

Мальчишка не ответил.

Положив мою ногу себе на колени, как на табурет, кисианка начала бинтовать рану. Любопытство взяло надо мной верх, и я посмотрел на ногу, пока девушка не успела ее прикрыть. Йитти был хорош, но она сделала в два раза больше крошечных стежков и оставила рану более чистой. Теми же проворными руками она вскоре плотно ее забинтовала.

Я посмотрел на Тора.

— Так зачем?

— Они хотят знать, что произошло. В городе. Они думают, что мы наемники. Я обещал рассказать, если они тебе помогут. Мне показалось, что это невысокая цена.

Настал мой черед не отвечать. Все тело болело, хотелось спать, но во второй раз за несколько дней в животе бурлил тошнотворный голод. На этот раз я не спешил с едой, зная, что станет плохо, если буду есть быстрее. А хуже нетерпения этой женщины могло бы стать только ее отвращение.

Покончив со своей работой, она исчезла в другой, отделенной занавеской комнате. Сквозь потрескивание огня и стук дождя я слышал, как она там движется.

Пока я ел, Тор болтал.

— ...и повсюду кровь, я правда не думал, что ты выживешь, — говорил он, когда я снова обратил на него внимание. — Решил, что ты упал с седла и разбил голову, потому что ты был такой медлительный и вялый, но, наверное, это из-за голода, пока ты сидел под замком, и всего этого, ну... Но мы тебя выходим. Скоро снова сядешь в седло.

Он на секунду остановился, но, откинув со лба длинные волосы, продолжил:

— Жаль, я не знал, что он собирается сделать. Сетт. Я бы мог остановить его.

От смеха у меня изо рта разлетелся рис.

— Остановить его? Каким это образом?

— Пригрозил бы уйти. Я ему нужен. Не знаю, как он выкрутится теперь, когда некому для него переводить. — Тор издал короткий удовлетворенный смешок. — Я так и так собирался уйти, но рад, что подождал.

— Как и я.

Раненый и изголодавшийся, я бы непременно умер, если бы он не догнал меня, а может, меня убили бы собственные Клинки, если бы я упал в пределах видимости с городских стен.

При воспоминании о цепи факелов на стене рис во рту превратился в клей, и я отставил миску. В тишине плеск падавших с протекающей крыши капель казался оглушающе громким.

— Тебе повезло, что не убился, когда упал, — сказал Тор после короткой паузы, но его слова ничего не значили по сравнению с мыслью о том, что мои Клинки обратились против меня. Как сильно я их подвел.

Ты не обуза и не неудачник. Тебе нечего стыдиться.

Закрывая глаза, я мог ощутить тяжесть его руки на плечах.

— Прости, что мы здесь застряли, — продолжил Тор. — Я слышал разговоры, что группа левантийцев ушла от Гидеона после взятия города и встала лагерем где-то в этом районе. Я пытался найти их, но побоялся, что ты долго не протянешь, если не найду помощь.

Он нахмурился.

— Лучше бы я их нашел.

Похоже, неудача грызла его душу, и, вспомнив Гидеона, я собрал все силы и слабо улыбнулся.

— Ты сделал для меня все, что мог, никто не сумел бы сделать больше. Спасибо тебе.

По сравнению с тем, что дал мне Гидеон, просто находясь рядом в тот первый вечер после моего возвращения

в гурт, это было ничто, но сейчас это было все, что у меня есть, и лицо Тора просветлело.

— Ну, мы можем их разыскать, когда ты...

Он остановился, когда молодая женщина отодвинула занавеси. Она переделалась из мокрых доспехов в простое платье, линялое и поношенное, но держалась с такой яростной гордостью, что никто не посмел бы плохо о ней подумать. Не глядя на нас, она подошла к огню и встала рядом со своим спутником. Они были одного роста, оба сложены как воины, несмотря на сомнения Тора. У девушки даже был лук, на который она указывала при разговоре, время от времени поглядывая на Тора.

Ее спутник что-то ответил, также взглянув на Тора, а я, хотя и мог попросить его перевести, разглядывал огромный черный лук. Я уже его видел.

— Когда сможешь сидеть в седле, мы найдем лагерь, — продолжил Тор, понизив голос. — А потом отправимся домой.

Домой. Без моих Клинков мне незачем было тут оставаться, но при мысли об отъезде меня пробирал необъяснимый холодок.

Приближение кисианки избавило меня от необходимости отвечать. Она обратилась к Тору в приказном тоне, и на его лице появилась тень раздражения. Я услышал свое имя. Имя Гидеона. Вопрос. Увидел мольбу в ее взгляде, которой не было в голосе. К ней присоединился ее спутник, встал на шаг позади и сбоку. Защитник. Отвечая, Тор неодобрительно разглядывал его и лук девушки.

Его ответ им не понравился. На меня снова указывали жестами, бросали взгляды, больше как на предмет, чем на человека, и я никогда так не жалел о том, что ничего не понимаю.

— Что она хочет? — спросил я.

Тор прервался.

— Хочет знать, что случилось в Мейляне.

— Так расскажи ей.

— Но мы пока не можем уйти. А как только они получат, что им нужно, то заберут наших лошадей и убьют нас, если мы попытаемся помешать.

Кисианка переводила взгляд с меня на Тора и снова нахмурилась, когда я сказал:

- Спроси, таков ли их план.
- Они станут все отрицать.
- Просто спроси.

Тор повиновался, и, пока он говорил, я наблюдал за лицом девушки. Ее глаза округлились и тут же сузились, морщины вокруг губ стали глубже. Ответ ее был коротким, держалась она прямо, вцепившись руками в лук.

— Говорит, что они нас не убьют. Говорит, мы можем ей доверять, потому что кисианцы живут и умирают с честью, хотя не всем варварам-наемникам дано это понять.

Неожиданно вырвавшийся у меня смех сотряс все тело, пронзив болью места, о существовании которых я и не подозревал. Пока я безумно хихикал, девушка нахмурилась еще сильнее и что-то коротко спросила у Тора.

Прежде чем он успел перевести, я сказал:

— Передай ей, что ни одной разодетой в шелка горожанке не дано понять, почему я смеюсь. Но я верю, что они не хотят причинить нам вреда. Расскажи им, что произошло.

Тору так понравилось переводить первую часть, что он не стал возражать против второй. Девушка выглядела так, будто хотела воткнуть стрелу мне в глаз, но вместо этого засыпала Тора вопросами. Я мог только предполагать, о чем она спрашивала, слушать упоминания города, Гидеона, чилтейских командиров, моего собственного имени и моих товарищей. И Лео. Я заново проживал рассказ Тора. Трупы на улицах. Кровь. Гидеон на троне, изувеченное тело Лео на полу. И только я отказался поклониться. Встать на колени. Принять то, какими мы стали. Предателями. Убийцами. Завоевателями.

Это был ее город. Чем дольше я смотрел, тем больше в этом убеждался. Она не просто девушка, лишенная дома, она императрица, лишенная империи. Лук. Уверенность. Человек, стоявший позади нее так же, как ее стража на поле боя. Ей требовались только сверкающие доспехи, чтобы снова стать золотым драконом, стать императрицей Мико

Ц'ай. И каждое слово Тора, каждая деталь его рассказа были тычком в открытую рану. Но она все равно стояла, гордая и полная решимости не сломаться.

Тор, похоже, ничего не понял. Для человека, знающего правду, он не выказывал ни должного почтения, ни враждебности. Со времен Рисяна он изменился, в глазах засветился огонек.

Когда наконец вопросы у императрицы закончились, она повернулась к своему спутнику. Они не произнесли ни слова, но во взглядах таилось столько боли, что мне захотелось повернуть время вспять. Это не наша земля. Не наш дом. У нас нет права на ее души.

Молчание затянулось, затем императрица снова исчезла за занавесью, а ее спутник принялся яростно ворошить огонь, рассыпая искры. Он подбросил новое полено и задал Тору какой-то короткий вопрос, на что тот покачал головой. Будучи уверен, что Тор вот-вот снова заведет разговор о возвращении домой, я отставил в сторону кружку с водой и опробовал ногу. Она болела, кожа натягивалась при каждом движении. Я стиснул зубы. Движение — это свобода, и, как говорил гуртовщик Сассанджи, только свободные могут быть мудрыми.

На лестнице загрохотали шаги, и мы трое напряглись, не сводя глаз с двери. Вошел кисианец в плаще и с каким-то ящичком в руках, Тор и спутник императрицы расслабились. Обменявшись с ними парой слов, человек поклонился и вышел.

— Кто это был? — спросил я.

— Хозяин дома. Они называют его дровосеком.

— Дровосеком?

— Видимо, это его работа. Рубить дрова.

— Для костров? Но...

Я хотел спросить зачем, но вспомнил, что кисианским городам, где нельзя вырастить пищу или деревья, приходилось полностью полагаться на поставки извне. Как и городам-государствам, но люди все же хотели в них жить, теснясь внутри стен, как орехи в корзине.

Из отделенной занавеской комнаты вернулась императрица Мико. Она казалась беспокойной, перебрасывалась

со своим спутником короткими словами и раздраженно поглядывала на нас.

— Ты поблагодарил ее за помощь? — спросил я, отвлекая внимание Тора от дырки на штанах, которую он ковырял. — Она выглядит рассерженной.

— Они ехали на восток и переживают, что теряют время.

— Скажи, что теперь я справлюсь сам и они могут ехать дальше.

Тор покачал головой.

— Не думаю, что они здесь только из-за тебя. Они говорят незаконченными предложениями, но все-таки я думаю, что им больше некуда идти.

Императрица без империи. Как ей, должно быть, ненавистно даже смотреть на нас.

Что бы она ни испытывала по отношению к нам, императрица Мико со своим спутником дважды осмотрели мою рану до наступления вечера, не считая постоянное наблюдение за мной Тора достаточным. Тот закатил глаза, но, похоже, решил не злить наших хозяев. Они сварили еще риса и позволили мне съесть столько вяленого мяса, сколько смогу, и ко мне потихоньку стала возвращаться жизнь. Однако боль будто засела в костях. От истощения я постоянно засыпал и никак не мог вспомнить, каково это — существовать без глубокой боли разорванной плоти.

Большую часть времени мы сидели молча, лишь изредка мои спутники перебрасывались сдержанными словами вперемешку с гримасами. К закату дождь утих, и императрица взяла лук и вышла во двор, нарушив тишину вечера ритмичным звоном тетивы и стуком стрел. Со своего места у стены я не видел ее, но слушал, как быстро и точно она натягивает лук, и сомневался, что смогу ее превзойти.

— Завтра посмотрим, получится ли у тебя усидеть верхом. — Тор снова вернулся к разговору о будущем, будто расчесывая болячку. — Лагерь не может быть далеко, а Дзиньзо сделает все сам.

В левантийском лагере набраться сил будет намного легче, поэтому я согласился, но попросил принести воды,